

18+

3 правил

СЕРГЕЙ ПОДГОРНЫХ

Сергей Подгорных

Без Правил

«Издательские решения»

Подгорных С.

Без Правил / С. Подгорных — «Издательские решения»,

Хочешь рассмешить Бога — расскажи о своих планах. Вместо пляжа и коктейлей бывший спецназовец (позывной Добрыня) попал в мясорубку подпольных боёв без правил, убийств и коррупции. На пути героя — коварные красавицы, жестокие схватки и секрет, который может стоить миллионы... или убить. Отдых отменяется. Выжить — единственная цель. Даже если для этого придётся снова взяться за оружие. Динамичный сюжет, реалистичные драки, харизматичный герой и атмосфера российского криминала.

Содержание

Сергей Подгорных	6
ЧАСТЬ 1	7
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	19
ГЛАВА 5	23
ГЛАВА 6	26
ГЛАВА 7	30
ГЛАВА 8	33
ГЛАВА 9	38
ГЛАВА 10	41
ГЛАВА 11	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Без Правил

Сергей Подгорных

© Сергей Подгорных, 2026

ISBN 978-5-0070-1814-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Подгорных **БЕЗ ПРАВИЛ**

Все события вымышлены.

Все совпадения случайны.

В жизни всё намного страшней

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Духота в зале стояла одуряющая, и дорогостоящие кондиционеры, растекаясь внутренней влагой, не справлялись с работой. Яркие софиты, вырывая из темноты чёткий световой квадрат, невольно добавляли температуры в пространство зала для зрелищ. Под потолком беззвучно крутились длинные лопасти вентиляторов, изо всех сил стараясь создать прохладу для зрителей, собравшихся в ожидании сегодняшней серии боёв. Праздная публика расселась на креслах вокруг огороженного толстыми канатами ринга и, изнывая от духоты, не могла дожидаться начала красочного зрелища.

Лето в тот год выдалось в Краснодаре даже для привыкших ко всему старожилов на удивление жарким. Да и то сказать, с мая по конец августа не выпало ни одного дождичка; картошка и без того мелкая в этих краях вовсе не уродилась, и лишь рис — любитель жаркой погоды — невозмутимо колыхался в наполненных тёплой водой рисовых чеках. Горожан от жары спасали лишь мощные кондиционеры; иначе днём в раскалённых многоэтажках было невозможно находиться. Желаящих освежиться не спасала ни основательно прогретая за лето вода Кубани, ни Чёрное и Азовское моря, отстоящие от Краснодара немногим более чем в ста километрах. Попав на берега водоёмов, городские жители, потолкавшись в сутолоке приезжих — как их называют местные — «северян», вдоволь накупавшись, возвращались вечером во всё те же прогретые за день каменные коробки домов, ко всё той же невыносимой духоте.

Не все предпочитали такой вид отдыха; в последнее время в городе стали популярными подпольные Бои без Правил. Пока только в трёх ночных клубах города устраивались зрелищные поединки, но их популярность росла с каждым днём, и не стоило сомневаться, что вскоре увлечение жестокими боями станет повсеместным.

Это прекрасно понимал Владимир Александрович Гордеев — владелец едва ли не самого популярного краснодарского ночного клуба «Кавказ». Идея устраивать жестокие зрелища пришла Гордееву — среди своих звавшемуся Горцем — давно, но лишь в последнее время хозяин «Кавказа» решился её реализовать. Во-первых, потому что сумел наконец-то, — разумеется, через своего человека, путём основательного подкупа нужных чиновников, — пробить в горадминистрации разрешение на проведение подобных поединков. Точнее сказать, на проведение Боёв без Правил никто разрешение Гордееву не давал; в документе значилось: «спортивно-развлекательные мероприятия», — но все, кто хоть немного был знаком с вопросом, понимали, о чём идёт речь. Понимали и не совали нос куда не следует — Гордеев платил исправно и чиновникам из казённого дома на улице Красной, и нужным людям из краевого Управления Внутренних Дел. Да и то сказать: тревожить Горца никто не собирался, не было необходимости. За всё время проведения полулегальных боёв у него в клубе не было зарегистрировано ни одного смертельного случая. Правда, однажды побеждённый боец всё же скончался, но это произошло вовсе не в клубе, а спустя несколько дней в одной из районных больниц — попробуй увяжи его смерть с опасным поединком.

Во-вторых, кроме основательного прикрытия Горец, не жалея сил, постоянно искал хороших бойцов: зрелище, за которое зрители платили бешеные деньги, должно быть на высшем уровне. Никаких подстав и купленных поединков Гордеев не признавал, цена в любом деле, пусть и таком нелицеприятном, абсолютную гарантию качества. Поэтому, а также потому, что клуб у него был действительно шикарный, и приходили к Горцу на бои люди весьма значимые в городе, не то что в других местах, где понаблюдать за жестоким зрелищем подчас собирался всякий сброд.

Вот и на сегодняшние поединки пришла если не элита, то значимая часть верхушки краевого центра. Пара человек из руководства краем, несколько видных предпринимателей города, даже бандиты — само собой не из рядовых, из главных — почтили своим присутствием клуб

«Кавказ». По собравшейся публике сразу видно, что ставки сегодня будут немалые, а поединки обещают пройти зрелищные.

И это были не пустые слова — Гордеев приготовил для сегодняшнего вечера небольшой сюрприз. Для всех пришедших не секрет, что сегодня будет драться сам Атаман — один из сильнейших, если не самый сильный боец юга России. Атаман три дня как гостил в краевом центре, остановившись проездом из Сочи в Крым, где у него был подписан контракт на серию поединков, и Гордееву стоило большого труда уговорить известного бойца провести сегодняшний бой.

Лишь правая рука Горца — Андрей Бурундуков (среди своих известный как Бобёр) — знал, каких трудов и денег стоило шефу завлечь Атамана на сегодняшние поединки. И лишь Бобёр догадывался, что эти старания того стоили. Гордеев давно искал возможности провести поединок приглашённому недавно из Адыгеи новичку — по прозвищу Зверь — с лучшим бойцом, слава которого давно вышла за пределы курортного Сочи, где в последние годы проживал Атаман. Тот, кто победит лучшего бойца, получит хороший куш. А Горец очень надеялся, что его новое приобретение сможет победить Атамана. Для всех городских Зверь был тёмной лошадкой, и никто из опытных игроков не рискнул бы на него поставить, и лишь хитроумный Горец сделал максимальные ставки на нового фаворита.

В жизни Гордеев редко ошибался, предпочитая необдуманном, поспешным действиям тщательно продуманный план. Сейчас Горец надеялся, что его предусмотрительность принесёт немалые деньги.

Сидя в первом ряду, рядом с известным краснодарским криминальным авторитетом Хазретом, Гордеев нетерпеливо выстукивал дробь пальцами по подлокотнику кресла: бойцы задерживались. Атаман настоял, чтобы первый бой был его, и Гордеев вынужденно согласился, хотя обычно оставлял напоследок, на десерт, самые зрелищные драки.

— Где же этот хваленый Атаман? Может, испугался нашего Зверя и с горя махнул прямиком в Крым? — спросил с едва заметным адыгейским акцентом Хазрет.

Хазрет держал один из самых прибыльных городских рынков — Вишняковский, и, насколько знал Гордеев, авторитет был единственный, разумеется кроме самого Горца, кто в этом бою поставил на никому неизвестного Зверя. Хазрет знал, что Зверь родом из Джанхота, из Адыгеи, — это решило дело. Деньги Хазрета не интересовали, и пусть даже Зверь проиграет — его честь, как адыга, не будет посрамлена: земляки должны всегда стоять друг за друга.

— Испугался? — удивлённо переспросил сидящий справа от Гордеева предприниматель Лёня Полянский — один из самых богатых людей Краснодара. — Хазрет, ты что-то попутал. Да Атаман этого Зверя просто по полу размажет! Да он самого Кличко забьёт до смерти! А ты говоришь: испугался.

— До смерти не надо, — прерывая спор, озабоченно проговорил Гордеев и, покосившись на одного из высокопоставленных чиновников, почтивших присутствием сегодняшнее зрелище, добавил. — У нас здесь честные, чисто спортивные бои.

— Понятно, что спортивные. Какой может быть базар? — осклабился Полянский. — Я это сказал фигурально выражаясь. И вот что я вам добавлю, уважаемые господа, поставившие свои кровные на Зверя. Был я тут с месяц назад в Сочах, отдыхал и всё такое. Ну и вечером, как водится, к Мустафе в клуб заглянул, на Атамана поглядеть: так ли он хорош, как про него говорят. Помнится, тогда он дрался с каким-то приглашённым за большие бабки негром — то ли бывшим чемпионом мира в супертяжёлом весе, то ли ещё каким чемпионом. В общем, уделал Атаман этого негра на первой же минуте. Скажу я вам, у этого Атамана руки, как молоты: забьют любого в землю по пояс.

Полянский хотел ещё что-то добавить, но в этот момент бойцы наконец появились в квадрате ринга. Первым проскользнул между толстыми канатами Зверь. Мелькнув гибким, сильным телом, казалось, сплетённым из одних мышц, он, разминаясь, выполняя на ходу заучен-

ные серии ударов, быстро продвинулся к синему углу ринга, где секунданты сразу же стали заматывать кисти его рук эластичными белыми бинтами. Согласно неписаным правилам, каждый боец Боёв без Правил имел одежду в соответствии со своим прозвищем. Зверь вышел на поединок в наряде из звериных шкур — тигровой полосатой накидке, прикрывающей мощные плечи, а также в набедренной повязке, наподобие той, в каких любят изображать первобытных людей. Зверь всегда выступал инкогнито, лишь Гордеев знал его лично, и поэтому в дополнение к наряду на его голове красовалась маска, также сшитая из шкур.

Появление Зверя вызвало в зале лишь несколько жидких хлопков — этого бойца мало кто знал в Краснодаре. Зато о его противнике, секундой позже вышедшем на ринг, наслышаны были многие. Грузный, мощный Атаман перелез через канаты и, не торопясь, направился в красный угол. Как обычно, из одежды на нём были лишь широкие красные шаровары, стилизованные под одежду казаков. Высокий — под два метра — с чубом на бритой голове, с длинными свисающими усами, голый по пояс, Атаман словно был срисован с казака времён Екатерины Великой. Стоя в своём углу ринга, он, дожидаясь, когда секунданты намотают эластичные бинты, демонстративно поигрывал грудными мышцами. Поглядывал с видом победителя на оживший с его появлением зал, Атаман изредка кивал зрителям в ответ на их приветственные возгласы; в своей победе чемпион не сомневался.

Это был уже пятидесятый, юбилейный бой Атамана, и ещё ни разу он не проиграл, всегда завершая поединок на первых же минутах. В технике он предпочитал мощные удары, всегда уповая на свою неимоверную силу. И пока что ещё ни разу сила Атамана не подвела.

Тёмная лошадка сегодняшнего поединка — Зверь, хоть и выглядел неплохо подготовленным физически, всё же по сравнению со своим более именитым соперником казался меньше как минимум на пару весовых категорий. К тому же Зверь, в отличие от Атамана, не имел такого багажа проведённых боёв и потому не был широко известен публике.

Пока бойцы готовились к поединку, среди зрителей не прекращалось обсуждение предстоящего поединка.

— Ставлю дополнительно двадцать штук баксов на то, что Атаман уделает новичка на первой же минуте боя, — глядя на ринг и ни к кому особо не обращаясь, бросил Полянский, хотя всем присутствующим было ясно — это вызов Хазрету.

И Хазрет не замедлил этот вызов принять.

— Что так мало, Лёня, ставишь? — усмехнулся адыгеец. — Твои двадцать против моих пятидесяти, что Зверь уложит Атамана в первую же минуту.

Авторитет вовсе не был так уверен в новичке, но что такое пятьдесят тысяч, пусть и долларов, по сравнению с честью горца?

Задетый Полянский не успел добавить к ставке, как внезапно прозвучал гонг, и бойцы двинулись навстречу друг другу. Атаман, не особо лукавя, как всегда надеясь на свою силу, с первых же секунд обрушил на противника град сильнейших ударов руками. Быстро прижав попытавшегося защищаться Зверя к канатам, чемпион без перерыва выдал несколько мощных серий. Руки прославленного бойца мелькали с бешеной скоростью, и казалось, что его соперник не выдержит и будет действительно размазан по полу. Но Зверь каким-то чудом увернулся от бешеного натиска и, уйдя в сторону, даже умудрился весьма чувствительно задеть левым крюком по массивному корпусу чемпиона.

Уйдя от канатов, Зверь, понимая, что более тяжеловесный противник в два счёта с ним расправится, если ещё раз зажмёт в углу, решил сменить тактику. Рванувшись вперёд, Зверь бросился навстречу противнику. Атаман пропустил первое мгновение атаки и сразу же за это поплатился: неожиданно сильный удар ногой отбросил чемпиона назад. К счастью для него, Атаман ударился спиной о канаты и сумел не упасть. Не понимая, что происходит, он всё же попытался контратаковать, но промахнулся, не попав в более ловкого противника, и сразу же в ответ получил целый град ударов в голову. Лицо Атамана мгновенно залила кровь из рассечён-

ной брови, и он, закрываясь руками, попытался выскочить из ставшего для него капканом угла ринга. Но Зверь, словно он был вовсе не живой человек, а стальной механизм, не прекращая наносить удары в голову и корпус противника, не оставил ему ни малейшего шанса на спасение.

Не понимая, что происходит, чемпион из последних сил рванул вперёд, размахивая руками-молотами, которые до сего дня всегда приводили его к победе, и опять промахнулся. Огромные руки ударили в пустоту, и Атаман, с трудом различая сквозь кровавую пелену окружающее пространство, сделал несколько неверных шагов вперёд. Потеряв из виду соперника, он беспомощно обернулся, и тут же сильнейший удар сбил чемпиона на пол. Чудом не отключившись, так и не поняв, рукой или ногой достал его противник, Атаман, схватившись за канаты, попытался неловко встать на ноги. Последнее, что он помнил перед тем, как получить нокаутирующий удар, была маска Зверя.

От сильнейшего удара Атаман едва не вылетел за пределы ринга, и секунданты — судьи в подобных поединках были не предусмотрены — бросились отеснять разошедшегося Зверя от его поверженного противника. Отодвинутый секундантами от нокаутированного соперника, Зверь отскочил в центр ринга и яростно крикнул в зал: «Кто следующий?!»

Судя по тому, что на призыв никто не отозвался, следующего не нашлось.

— Сколько, говоришь, Лёня, ты поставил на это чучело — Атамана? — глядя на секундную стрелку наручных часов, задумчиво спросил Хазрет у своего соседа.

Но Полянский ничего не ответил, всё ещё не отойдя от только что пережитого стресса. Так и не дождавшись, Хазрет довольно подумал: «Всегда надо ставить на земляков».

У всех зрителей победа никому неизвестного Зверя вызвала настоящий шок, и лишь хозяин клуба, не удивляясь, жестом подозвал к себе Бобра и тихо, так чтобы другие не слышали, отдал распоряжение.

— Срочно свяжись с Родионовым и назначь с ним встречу. Скажи: есть предмет для разговора.

ГЛАВА 2

Это утро у Ивана Доброва начиналось почти как все предыдущие за последнюю неделю, а именно с железнодорожного вокзала. Судьба распорядилась таким образом, что бывшему десантнику, только что вернувшемуся из чеченской мясорубки, пришлось покинуть родной город — Нижний Новгород и, в поисках лучшей доли, податься на юг. Но в Краснодар Иван попал далеко не сразу; сначала он поехал в Волгоград, надеясь отыскать давнишнего приятеля Мишу Окатышева. Не найдя Мишку — тот за прошедшие годы успел в погоне за длинным рублём рвануть на север, — Добров махнул напрямик в Орёл, к дальним родственникам. Пожив пару дней у троюродной сестры Саши в тесной квартире, где кроме её семьи проживала также престарелая свекровь, Иван решил двигать дальше. Деньги у него водились, поэтому, не мудрствуя лукаво, он направился в Сочи, решив этим летом отдохнуть за все прошедшие годы. Как назло, прямого поезда до всероссийского курортного города не было, и Добров купил билет до Краснодара, надеясь быстро сделать пересадку.

Быстро пересесть не удалось: Иван не учёл, что попал на юг в самый разгар отпусков, когда замученные непогодой жители более холодных районов огромными массами устремляются к Чёрному и Азовскому морям. С большим трудом, отстояв очередь, Добров сумел приобрести билет до Сочи лишь на поздний вечер. Учитывая, что в бывший Екатеринодар он попал ранним утром, Ивану светила нерадостная перспектива провести целый день в вокзальной духоте; тащиться на экскурсию по раскалённому от жары городу ему вовсе не хотелось. Осмотрев все привокзальные ларьки, Добров, наконец, уселся в зале ожидания, терпеливо дожидаясь, когда наступит вечер.

Перекусив обязательным атрибутом любого железнодорожного кафе — копчёной куриной ножкой и запив походный завтрак двумя стаканами газировки, Иван решил немного вздремнуть. Вытянув ноги в проход и устроившись поудобнее в пластмассовом кресле, он совсем было задремал, но надоедливые голоса двух парней, сидящих по соседству, чуть в стороне напротив, не давали как следует заснуть. Добров некоторое время пытался их не слушать, но потом бросил бесполезное занятие: в конце концов, не всё ли равно — спать или слушать бессмысленную болтовню?

— Говорю тебе, Костян, что Бобёр платит по две штуки за бой! — говорил один из надоедливых парней — здоровяк с буграми бицепсов, явный любитель бодибилдинга.

— Зелени? — нарочито лениво спросил его приятель — широкоплечий парень, несмотря на жару, одетый в полувоенную куртку с нашивкой на рукаве.

— А то! Ясно, что не деревянных, — возбуждённо ответил качок.

— Звучит заманчиво... Две штуки, если проводишь бой, а если выиграешь? — растягивая слова, проговорил широкоплечий, как бы невзначай бросив взгляд на заинтересовавшегося разговором Доброва.

— При победе, понятно, идёт другой расклад. Точно не скажу, но какой-то процент от ставок. А ставки на Боях без Правил, сам знаешь, какие. Закачаешься!

— Закачаешься... Так можешь закачаться, что вынесут ногами вперёд, — недоверчиво сказал парень и, не заметив в Иване ничего подозрительного — мало ли всякого народа на вокзале ошивается, — отвёл взгляд и переспросил своего приятеля: — Не будет проблем?

— Не дрейфь, Костян, проблем не будет, — ударил себя в грудь кулаком накачанный любитель Боёв без Правил. — У меня верняк сведения: из «Кавказа» ещё никого не выносили, там за порядком следят. Вот в других клубах, в том же «Прибое» или «Кубани», такое бывало и не раз. А у Горца — никогда. Проверено. Там элитный клуб.

— И как ты говоришь, до него добратся? — вновь с показной неохотой, через которую, впрочем, проглядывал интерес, спросил широкоплечий.

Друг Костяна начал объяснять приятелю, как лучше доехать от вокзала «Краснодар-1» до ночного клуба «Кавказ». Иван же эти объяснения дослушивать не стал и, поднявшись с кресла, перебрался на другое место. Надоедливых, болтающих о всякой ерунде соседей на новом месте не было; все ожидающие поездов пассажиры внимательно смотрели закреплённый почти под самым потолком телевизор. Добров тоже принялся за просмотр никогда не виденного прежде боевика.

Удивляясь столь раннему кинопоказу, транслируемому, вероятно, по одному из местных телеканалов, Иван стал с интересом смотреть фильм, в котором главный герой, владеющий навыками рукопашного боя, по ходу действия лихо расправлялся со своими врагами. Получалось это у него на удивление удачно, и Добров, который сам был не прочь при случае помахать кулаками, с удивлением узнал много нового. Оказывается, можно вот так запросто разделаться с дюжиной-другой противников, при этом даже не сбив дыхания. Причём эти два с лишком врагов были вооружены металлическими дубинками, а бедный главный герой — лишь голыми руками. Удивляясь, как герою фильма удаётся раз за разом выживать в невероятных передрыгах, в которые он по воле создателей фильма буквально ежеминутно попадал, Иван невольно увлёкся незамысловатым сюжетом. Отчасти это произошло, наверное, ещё и потому, что драки на экране внезапно сменились постельными сценами. По какому-то хитроумному замыслу режиссёра и сценариста герой — крушитель черепов внезапно превратился в героя-любownika, покоряющего раз за разом женские сердца.

Постельные сцены на экране окончательно вытеснили драки, и Иван неожиданно вспомнил далёкие восьмидесятые годы, когда впервые увидел Алину. Это было, кажется, классе в девятом. Тогда у них заболел физрук, и уроки физкультуры проводил преподаватель по начальной военной подготовке. Для экономии времени их класс занимался на физре вместе с параллельным «Б», в котором училась Алина. Тогда Алина показалась Доброву самой красивой девушкой на свете. Со стройной гибкой фигурой, она, словно скользя по льду, легко двигалась по спортзалу. Как узнал позднее Добров, Алина с детства занималась художественной гимнастикой, хотя грация у неё всегда была в крови.

С того памятного урока Иван не раз заглядывался на понравившуюся девушку. Добров знал, что фамилия у неё немного смешная — Галкина, и что отец Алины — сотрудник аппарата городского комитета КПСС. Алина же, казалось, не замечала Ивана, и лишь в конце десятого класса, на выпускном вечере, они наконец познакомились.

Их роман был ярк и скоротечен; они проводили целые дни вместе, гуляли и готовились к поступлению в университет, мечтая вместе учиться в НГУ. Но видно, любовью они занимались всё же больше, чем подготовкой к вступительным экзаменам. Подготовившись недостаточно — сказывались бессонные ночи, проведённые вместе, — Иван и Алина при поступлении в университет с треском провалились. Но если Алине помог горкомовский папа, и она всё же стала учиться в престижном вузе, то у Доброва не оказалось столь могущественного покровителя, и его призвали в армию. Иван помнил, как прощался с Алиной, как она плакала, не желая, чтобы её парень шёл служить, говорила, что будет его ждать и всегда любить.

Любовь закончилась гораздо быстрее, чем вечность, — задолго до того, как Добров вернулся в родной город, отслужив верой и правдой два года в десантных войсках. Всё закончилось где-то через год после их расставания. Сначала письма от Алины приходили часто, по два-три в месяц, потом всё реже и реже, пока наконец Алина и вовсе перестала писать. Иван, никогда не отличавшийся особой тягой к написанию писем, тем не менее всегда исправно отвечал на послания любимой. Но чем больше он служил, в нелёгкой службе превращаясь из юноши в мужчину, тем реже он вспоминал Алину: взрослая жизнь брала своё, меняя характер Ивана, заменяя юношеские, романтические чувства повседневной бытовой реальностью.

Когда через год службы, как раз перед самым отпуском, Добров получил от своей девушки последнее письмо с просьбой её простить — у Алины появился новый парень — он

не очень расстроился. К тому времени Иван уже понял, что в жизни всё и всегда меняется: люди и обстоятельства, и что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Прочитав прощальное письмо Алины, Добров несколько раз его перечитал, чтобы понять, что ничего не перепутал, потом, собрав в тумбочке остальные письма девушки, вышел из казармы и сжёг их. Начиналась новая жизнь, и строить её следовало, сжигая мосты прошлого.

Спустя два месяца Иван приехал в отпуск. На него — высокого, стройного десантника — заглядывались многие девушки, но образ Алины ещё не полностью выветрился из головы Ивана, и лишь повидавшись с бывшей любимой, он понял, что действительно всё: перед ним был другой человек, а его Алина осталась где-то в далёких школьных годах.

Свидание с Алиной не стало для Ивана мучительным, наоборот, он словно освободился от чего-то, тяготившего душу. С бывшей любовью они остались друзьями, а после того, как Добров вернулся из армии, иногда даже встречались, но чем дальше, тем реже. Потом Иван узнал, что Алина вышла замуж и уехала из Нижнего. Замуж она вышла вовсе не за того студента, из-за которого распалась их любовь с Иваном, а за какого-то то ли доктора, то ли кандидата наук, который был намного её старше.

За последние несколько лет Добров лишь однажды виделся с Алиной, когда она приезжала погостить к родителям в Нижний. Её горкомовский папа к тому времени растерял всё бывшее могущество, став обычным пенсионером, а мама тяжело болела. Алина как могла ухаживала за умирающей матерью и, лишь похоронив её, вернулась в Краснодар, где к тому времени жила с мужем.

Перед самым отъездом она неожиданно позвонила Ивану, и он, очень обрадованный, встретился с Алиной.

За прошедшие годы Алина мало изменилась, лишь повзрослела, став настоящей женщиной. Иван узнал, что детей у Алины нет, что в браке она счастлива и всё у неё есть. Добров был рад за свою былую любовь, но, глядя в грустные глаза Алины, не очень-то верил в её счастливый брак.

Тогда у Ивана и появился записанный в блокноте телефонный номер Алины. Алина, сменившая смешную фамилию Галкина на вполне солидную Переслегина, дала почему-то не домашний, а рабочий номер телефона. Впрочем, тогда это Ивана не волновало, он всё равно не собирался ехать в Краснодар.

А теперь вот пришлось. Вспомнив про записанный когда-то номер, растроганный воспоминаниями юности, Иван неожиданно для себя решил позвонить. Времени до отправления поезда было навалом, почему бы его не скоротать за разговором с давнишней знакомой? Вовсе не уверенный, что за прошедшие годы Алина не сменила место работы, Добров всё же направился к кассе, в которой продавались таксофонные карточки.

К большому удивлению Ивана, трубку после нескольких длинных гудков сняла сама Алина.

— Алло, — сказала она вполне буднично нисколько не изменившимся за прошедшие годы голосом.

Иван, от неожиданности забывший, о чём хотел сказать, бестолково брякнул:

— Мне бы Переслегину Алину...

— Я вас слушаю, — голос у Алины был уставший, недовольный.

— Алина, это я — Иван.

— Какой Иван?

— Иван Добров.

На том конце провода последовала длительная пауза, словно Алина пыталась отыскать в записной книжке, кто же такой этот Иван Добров. Иван уже пожалел, что так нежданно позвонил, когда наконец телефонная трубка ожила радостным возгласом.

— Добрыня! — в голосе Алины слышалось столько радости, что Иван мигом отбросил все сомнения. — Какими судьбами?!

— Так уж получилось, оказался проездом в Краснодаре.

— Так ты в Краснодаре?

— Ага, поехал в Сочи, да вот застрял на вокзале: жду поезда.

— Когда отправление?

— Поздно вечером, почти ночью.

— Слушай, Добрыня, — Алина почти всегда звала Доброва по его прозвищу, лишь иногда называя Иванушкой, — нам срочно надо встретиться, пока ты не укатил на свой курорт.

— Да у вас тут один сплошной курорт, жара как в бане, — Иван вытер пот, выступивший то ли от жары, то ли от нелёгкого решения позвонить, и спросил: — Где встречаемся?

— Давай в кафе возле нашего института. Подъезжай к концу работы, часам к пяти. Адрес я тебе сейчас продиктую.

Добров записал в блокнот тщательно продиктованный Алиной адрес и, повесив трубку на рычаг таксофона, отправился назад досматривать боевик.

ГЛАВА 3

Утро началось для Семёна Аркадьевича как нельзя лучше. Точнее, приподнятое настроение у него появилось ещё вчера поздним вечером, когда позвонил человек Гордеева и сообщил о том, что есть повод для разговора. Что это за повод, Семён Аркадьевич, конечно же, знал, мало того — Родионов сам инициировал эту встречу с Гордеевым. И, судя по всему, Гордеев клюнул на предложение директора НИИ.

«Ещё бы он не клюнул, — подумал Семён Аркадьевич, вставая с мягкого кресла и подходя к большому окну, за которым с высоты пятого этажа открывался великолепный вид на южный город. — Такой препарат на дороге не валяется. К слову сказать, на Западе за него отвалили бы такие деньжищи — дух захватывает, как представишь. Я же всего лишь крохи прошу; мне много не надо».

Думая так, Родионов немного лукавил: денег он просил у Горца вовсе немало — хватит и на безбедную старость, и на обеспеченные зрелые годы. Но и препарат того стоил, пока что в мире ему действительно не было аналогов. Институт, которым руководил Родионов, давно занимался данной проблемой, но лишь в последнее время группа Переслегина сделала настоящий прорыв: необходимый синтез был получен. Конечно, в этом была основная заслуга Переслегина — всё же он немалая величина, учёный с мировым именем, — но и без его непосредственного руководителя, без Родионова, не получился бы тот препарат. В последнее время Семён Аркадьевич много сил отдавал на ускорение работ над этим Метапромизолом; рыскал по министерству в поисках необходимых средств, выбивал дорогостоящее оборудование, лично посещал проводимые опыты. В общем, руководил работой проекта реально, а не как это часто бывает в подобных случаях, лишь номинально.

Учёный из Родионова был никакой, с этим он уже давно смирился, сконцентрировав свои силы на прохождении карьерной лестницы. В свои пятьдесят с хвостиком Семён Аркадьевич многого добился — стал директором известного по всей стране научно-исследовательского института, его имя возглавляло списки разработчиков нескольких серьёзных работ по синтезу лекарственных препаратов. В министерстве с ним считались, и Родионов имел все шансы, после того как Леванидзе — первый зам главного — уйдёт на заслуженный отдых, на то, что именно ему предложат освободившуюся вакансию. И вовсе не беда была, что с чистой наукой у Семёна Аркадьевича не получилось: не всем же промывать пробирки и травить подопытных мышей, кто-то должен заниматься и организацией этого процесса. А уж лучшего организатора, чем Родионов, трудно было найти.

С давнего детства Родионов мечтал стать учёным; маленькому Сёмке всегда казалось, что именно учёные правят миром, поскольку это они придумали электричество, взорвали атом и изобрели телевидение. Лишь став взрослым, сидя на институтской скамье, Родионов понял, что не всё так просто и подчас гениальные изобретения используются вопреки желанию их авторов. Но это уже не могло остановить стремление упорного студента стать светилом мировой величины. И Семён Аркадьевич таки стал таким светилом: на Западе всё чаще упоминали название института, которым он руководил, и в связи с этим фамилию самого Родионова. В научной прессе, в том числе забугорной, всё чаще появлялись статьи, подписанные Родионовым. Правда, после следовало перечисление ещё целого ряда товарищей, работавших над перспективными проектами, но кто же замечает такие мелочи? Видят только первых, а Семён Аркадьевич всегда стремился быть первым.

Из задумчивости Родионова вывел телефонный звонок: сигналил местный селектор на большом из натурального дерева столе директора НИИ.

«Вся жизнь впереди, надейся и жди...» — довольно пропел Родионов и, подойдя к столу, нажал кнопку селектора, связывающего кабинет с приёмной.

— Алла Григорьевна, я вас слушаю, — прокашлявшись и мигом сбрасывая весёлость, навеянную пропетым куплетом, строго сказал директор.

— Семён Аркадьевич, к вам Владимир Александрович Гордеев. Пропустить? — не менее строго проговорила секретарша, проработавшая в институте не один десяток лет и служившая ещё при прежнем главном.

— Конечно, конечно, зовите сейчас же, — торопливо ответил Родионов, с которого сразу же слетела напускная строгость: как же, такого гостя в дверях держать.

Упреждая приход Гордеева, Семён Аркадьевич, колыхая небольшим, но вполне солидным животиком, засеменил к дверям. Раскрыв тяжёлые дубовые двери, он, поправив сбившиеся на нос роговые очки, радушно произнёс:

— Добро пожаловать, Владимир Александрович, в наши, так сказать, пенаты!

В ответ на приглашение в кабинет ввалился тяжеловесный Горец, пришедший на встречу, вопреки обыкновению, без всегдашнего своего сопровождения — Бобра. Усевшись в предложенное мягкое кресло, Горец обвел кабинет взглядом и недовольно проговорил:

— Высоко ты забрался, Аркадьевич, аж на пятый этаж, а лифт как назло не работает. Я все ноги сломал, пока на твою верхотуру поднялся.

— Что поделать, Владимир Александрович, такова наша селяви, — Родионов вернулся в директорское кресло и, посмотрев на собеседника как мышь на кота, вкрадчиво добавил: — Сам знаешь, сколько государство на науку из бюджета выделяет: сущие крохи. Потому с деньгами у нас — учёных лабораторных крыс — одна сплошная и непрекращающаяся беда. Сломанный лифт тому пример: второй месяц стоит, а денег на замену сгоревшего двигателя как не было, так и нет.

— К слову сказать, Аркадьевич, о бедственном положении науки и как это положение исправить я и зашёл поговорить, — сказал Гордеев, поудобнее устраиваясь в кресле. — Помнишь тот препарат, что ты дал мне на пробу?

— Как же не помнить, — Родионов заёрзал в кресле. — Метапромизол — очень перспективная разработка моей, — директор подчеркнул слово «моей», — научно-исследовательской группы.

— Не знаю, чего уж он там мизол, этот твой препарат, но результат пробы меня порадовал, — Горец не собирался долго ходить вокруг да около, поэтому спросил напрямую: — Сколько хочешь за него?

— Ну, Владимир Александрович, я не могу так ставить вопрос, — директор сделал вид, что смутился от неожиданного предложения. — Всё-таки у нас государственный институт, и все его разработки принадлежат государству.

— Ты, Аркадьевич, не юли и высокими фразами не прикрывайся. На кой тебе это государство? Или оно будет достраивать твою дачу на Ростовском шоссе и даст денег на обучение твоего сына-балбеса за границей? Да это долбанное государство лифт у тебя в институте починить не может, а ты туда же — его высокими словами защищаешь!

— Что верно, то верно, — неожиданно быстро согласился Родионов с доводами гостя, — но всё же, Владимир Александрович, разговор немного о другом. Этот препарат — наше ноу-хау, он настоящий прорыв в области увеличения возможностей человеческого организма. Причём без всяких отрицательных последствий для него. Пока что нигде в мире аналога Метапромизолу нет. Более того — это заказ министерства обороны, а с военными, сам знаешь, шутки плохи.

— А никто и не собирается шутить. Ты эти свои разработки маненько попридержи, военные ничего и не узнают, — посоветовал Горец и, стараясь закончить бессмысленный разговор, конец которого ему был известен заранее, коротко спросил: — Итак, сколько?

Семён Аркадьевич немного подумал, поправил зачем-то массивные очки и черкнул дорогой авторучкой на взятом со стола листке бумаги несколько цифр. Повернув листок так, чтобы Гордеев видел сумму, директор посмотрел на Горца, ожидая реакции гостя.

Гордеев крикнул от увиденного числа, потом поднялся из всхлипнувшего кресла и, не говоря ни слова, пошёл на выход. Лишь у самых дверей он обернулся и коротко бросил:

— Договорились.

ГЛАВА 4

Чтобы скоротать время до вечера, Иван всё же решился на небольшую экскурсию по городу. Досмотрев фильм, который вопреки законам подобного жанра закончился вовсе не хэппи-эндом, а как раз наоборот — главного героя доби́ли-таки его многочисленные враги, — Добров вышел из здания вокзала. К тому времени на улице уже совсем прилично припекало, и Иван решил найти подходящий магазин одежды — коль уж попал на юга, стоило сменить гардероб. Спросив у прохожего, где центр города, он, напутствуемый подробным описанием, пешком направился к улице Красной.

Конечно, взять такси было не в пример проще и быстрее, но Иван уже давно не искал быстрых и лёгких путей. К тому же времени у него было навалом, и торопиться не стоило. Иван и не торопился, с видом праздного туриста идя по улицам южного города и осматривая его причудливую архитектуру, в которой ряды одноэтажных домиков внезапно сменялись районами многоэтажек. В архитектуре Краснодара Доброва особенно удивило то, с какой лёгкостью жители города переделывали собственные дома. Речь шла не о частном секторе, а о многочисленных в этих местах трёх- и пятиэтажных зданиях. Видя, с какой лихостью жильцы не просто обустраивают собственные балконы, а, идя значительно дальше, создают из этих балконов прилепившиеся к основному зданию грандиозные пристройки, Добров только диву давался: и куда городской архитектор смотрит?

Хотя удивляло Ивана не только это, а также огромные особняки с отделанными красным декоративным кирпичом стенами и крышами, крытыми зелёной черепицей, которые всё чаще попадались по дороге к центру города.

Поймав отражение солнца в окне одного такого дома, Иван едва не попал под нектасти подвернувшийся трамвай. Отскочив от утопленных в булыжную мостовую рельсовых путей, провожаемый звоном трамвайного сигнала, Добров спустя несколько секунд вышел на главную улицу Краснодара.

На Красную он попал как раз в том месте, где она, резко сужаясь, превращалась из широкого проспекта с отдельными полосами движения в улицу для пешеходов. Прогуливаясь по южному «Арбату», Добров стал выглядывать среди множества витрин подходящий для его целей магазин. Магазинов и магазинчиков на улице Красной оказалось превеликое множество, и Иван убил немало времени, изучая их содержимое, но так и не нашёл подходящей одежды: то ему не подходил фасон, то пугала чрезмерно раздутая цена.

Наконец, пройдя едва ли не половину пешеходной части улицы Красной, он наткнулся на то, что искал. Из магазинов Иван всегда предпочитал старые проверенные временем большие универмаги типа ЦУМа. Новомодные бутики он старательно обходил, рынки с их бестолковой толкотнёй терпеть не мог, с рук никогда и ничего не покупал.

Увидев просторный вход в наверняка работавший ещё в советское время универмаг, Добров, миновав первый этаж, на котором не оказалось отдела мужской одежды, поднялся по широкой лестнице наверх. На втором этаже он нашёл то, что искал. Из одежды Иван выбрал светлые летние брюки и светлую же, однотонную, без рисунка футболку; из обуви — лёгкие, в сетку туфли.

Расплачиваясь в кассе, Иван попросил у молоденькой продавщицы разрешения переодеться во всё новое в примерочной кабинке.

— Конечно, переодевайтесь, у нас многие так делают: сразу же в покупки одеваются, — улыбнувшись, ответила девушка, изо всех сил стараясь не подать вида, что заинтересовалась парнем в десантном тельнике и с наколкой ВДВ на сильной руке.

— Скажите, девушка, а солнцезащитные очки в вашем универмаге продают? — спросил Иван, перед тем как направиться в примерочную кабинку.

— Да, конечно, — ответила продавщица, глядя прямо в глаза Доброва. — Очки против солнца продают на первом этаже. Там у Марины целый стеллаж.

— У Марины? — удивился Добров, потом, шутя, добавил: — А вас, соответственно, Тamarой зовут?

— Нет, — продавщица невольно прыснула. — Светой.

— Очень приятно, а меня Иваном, — улыбнулся Добров и, спохватившись, продолжил: — Света, целый стеллаж мне не надо. Я хочу купить очки, знаете, такие, какие были у Терминатора; солнце у вас уж очень яркое.

— Так вы, Иван, не местный? То-то я слышу: разговор не нашенький, не кубанский.

— Так и есть, я родился там, где сливаются Ока и Волга. Потому и разговор у меня для вас, южан, немного непривычный.

— В гости приехали? — с надеждой на продолжение разговора спросила девушка, но ей, как всегда, не повезло.

— Нет, проездом. В Сочи спешу отдыхать. Так спешу, что не успел приодеться соответственно погоде, вот сейчас исправляю ошибку, — ответил Добров и пошёл переодеваться.

Проводив взглядом приглянувшегося покупателя, продавщица с грустью подумала, почему ей всегда не везёт на мужиков. Её-то парень и в подмётки не годится этому высокому десантнику с развитыми мускулами, выпирающими через ткань тельняшки. С таким парнем не стыдно и на дискотеку сходить, и к подружкам показаться, не то что с Гришкой — её ухажёром. Да что там говорить, Гриша — одно слово, потомственный слесарь — ишачит на Краснодарском ЗИПе за мизерную зарплату, вечно в грязи и машинном масле. И ростом не вышел, и комплекцией подкачал; одно достоинство — вежливый и её, Свету, любит.

Переоделся Иван по-армейски быстро, убрав старую одежду в спортивную сумку, купленную взамен утерянной в Нижнем. Оглядев себя в зеркало с ног до головы и оставшись довольный осмотром, он отдернул ткань ширмы. Пройдя мимо смотревшей на него с плохо скрываемым интересом продавщицы, он улыбнулся и на прощание махнул девушке рукой. Спускаясь по лестнице, Иван подумал о том, что жизнь как-то странно устроена; всего несколько минут назад он знать не знал эту Свету из универмага, а сейчас невольно думает о ней. Может быть, из-за того, что она напомнила ему Алину лет десять назад, а может, эти думы просто очередные проделки своевольницы судьбы, которая сводит нас на несколько минут с людьми лишь для того, чтобы потом никогда с ними больше не встретиться.

Думая так, Иван выбрал подходящие солнцезащитные очки и, расплатившись, вышел из магазина на мягкий от жары асфальт.

Остаток времени он бродил по магазинам, лишь раз перекусив купленными на улице чебуреками. Запив походный обед газировкой, Добров взглянул на часы; времени было почти четыре, и стоило начать добираться до места, назначенного Алиной для встречи, тем более что ехать надо было на другой конец Краснодара.

Расспросив у случайного прохожего, как проехать к институту, Иван направился на поиск трамвайной остановки. Трамвайные пути пролегали по параллельной улице, и Добров, направляясь к ней, пошёл по какой-то небольшой улочке, названия которой так и не смог увидеть на стенах одно- и двухэтажных домов: в этом месте Краснодар вновь стал низкорослым, лишь однажды поднявшись двумя девятиэтажками на достойную для большого города высоту.

Пройдя мимо парочки высотных зданий, Иван неожиданно оказался перед входом в кафе, над которым висела большая надпись — «Кавказ».

Не увидев поблизости не то что трамвая, но даже захудалого автобуса, он, понимая, что сбился с пути и желая у очередного доброхота расспросить дорогу, пошёл к чуть отстоявшему в стороне в тени раскидистых деревьев кафе, которое при ближайшем рассмотрении оказалось ночным клубом.

У красиво отделанных дверей клуба стояли трое парней и о чём-то громко разговаривали. Точнее, громко возмущались лишь двое здоровых амбалов, третий из парней — среднего роста и сложения, перекрывая им путь в клуб, лишь отрицательно мотал головой.

Иван, поняв, что ошибся, выбрав для расспросов не совсем подходящую компанию, повернул в сторону пустынной улицы. Не пройдя и нескольких шагов, он услышал, как один из амбалов крикнул: «Сука!», после чего послышался шлепок о человеческую кожу, явно означавший, что кому-то заехали по физиономии.

Услышав шум нарастающей драки, Добров, так и не дойдя до края улицы, замер, раздумывая, обернуться или нет. Вообще-то стычки, драки, иные конфликты он, как и любой нормальный человек, не любил, а потому всячески старался их избегать. Поэтому Иван вполне мог терпеливо снести оскорбление, сказанное в его адрес сгоряча, и, лишь улыбнувшись как можно вежливее, показать, что инцидент исчерпан и драки не будет. Разумеется, всё это могло продолжаться лишь до тех пор, пока обидчик не переходил от слов к делу и не пускал в ход кулаки. Или же если помощь Ивана была действительно нужна нуждающемуся в ней человеку, кому-то более слабому, беззащитному. Слабых Добров всегда защищал; было что-то в его характере, полностью оправдывающее добрую фамилию, и было что-то в его мировоззрении, позволяющее не зря носить прозвище Добрыня.

Как бы там ни было, но оборачиваться Ивану очень не хотелось; лишние проблемы сейчас ему были нужны менее всего, особенно после того, как он оказался вынужден уехать из Нижнего. Так и не обернувшись, Добров пошёл подальше от клуба, но, сделав лишь несколько шагов, неожиданно развернулся и быстро направился к месту драки. «Заодно расспрошу, как найти ближайший трамвай», — подумал он, спеша на выручку попавшему в беду парню — тому, что не впускал здоровяков в клуб.

Подойдя поближе, Добров с удивлением узнал в амбалах тех двоих надоедливых соседей с вокзала, что так любили Бои без Правил. Накачанный приятель Костяна как раз и затеял драку, торопясь кулаками доказать свою точку зрения. Сам Костян в драку особенно не лез, лишь изредка ударяя неудачно подставившегося противника. Почти все его удары достигали цели, поскольку не угодивший им парень дрался в этот момент с превосходящим его по массе раза в полтора бодибилдером, отвлекая всё внимание на него.

К тому времени, когда Иван подошёл к дверям клуба, попавший в переделку парень уже с трудом отбивался от наседавших на него амбалов.

— Молодые люди, одну секунду... — как можно вежливее сказал Иван, ни к кому особо не обращаясь.

— А тебе какого хрена надо? — зло бросил качок, отскочивший после очередной атаки от не угодившего ему парня.

— Трамвай ищу, — невозмутимо ответил Иван и, внезапно приблизившись, с ходу провёл хук левой в голову любителя стероидов.

Удар, нанесённый без подготовки, получился размашистым, заметным невооружённым глазом, но качок, видимо, не знавший, как защищаться даже от таких явных атак, лишь щёлкнул подбитой челюстью и, попятившись назад, брякнулся на накачанную задницу.

Его приятель оказался посообразительнее; как только ситуация изменилась, с него мгновенно слетела показная ленивость. Отскочив в сторону, он встал в боевую стойку и приготовился к продолжению драки. Вглядевшись в лицо нового противника, он узнал случайного соседа по залу ожидания, но вида не подал — сейчас ему было не до того.

Но продолжения драки не последовало; парень, только что отбивавшийся от амбалов, лишь махнул рукой.

— Валите отсюда, пока я охрану не позвал, — приводя в порядок сбившееся дыхание, бросил он затеявшим стычку парням.

Тем два раза повторять не пришлось; Костян помог подняться качку и, поддерживая приятеля, повёл его прочь. Накачанный парень, ещё как следует не отойдя от хука Доброва, лишь бестолково мотал головой, с трудом приходя в себя. Отойдя немного от клуба, он ненадолго остановился, отодвинув в сторону приятеля. Обернувшись, качок внимательно, словно запоминая, посмотрел на Доброва, потом покачал головой.

Иван не обратил внимания ни на его неласковый взгляд, ни на явно читаемую угрозу в этом взгляде. Здесь он проездом, и проблемы ему не нужны; уже завтра он будет плескаться в море и беззаботно загорать на горячем песке вдали и от этих парней, и от этого клуба.

— Спасибо, друг, что помог, — сказал спасённый Добровым парень. — Тебя как звать?

Увлечённый думами о море, Иван не сразу ответил, лишь после небольшой паузы он откликнулся:

— Иваном с детства кличут.

— Иваном? А меня Дэнном, или по-другому Денисом, — сказал парень, цепко осмотрев с ног до головы Доброва. — Где драться научился?

— Жизнь научила.

— Понятно, не хочешь говорить. Говор у тебя какой-то не местный, приезжий, что ли?

— Скорее проезжий. В Сочи еду отдыхать, да вот решил по ходу Краснодар осмотреть.

— Понятно, — вновь повторил Дэн. — А я-то хотел предложить тебе в клубе завтра подраться. За хорошие бабки, разумеется. На завтрашние бои у нас как раз вакансия имеется: один боец заболел.

— На бои? Какие бои?

— Ну да, на бои. А ты чего, не в курсе?

— В курсе чего?

— Того, что у нас в клубе проводятся Бои без Правил, — ответил Дэн и, достав из заднего кармана брюк мятую пачку «Мальборо», выругался сквозь зубы: испортили-таки уроды дорогое курево. Щёлкнув зажигалкой, он отыскал в пачке уцелевшую сигарету и неторопливо закурил. Потом, ещё раз осмотрев Ивана, добавил: — Я здесь — в «Кавказе» — вроде как прирабатываю, набирая новых бойцов. Так что считай — у тебя теперь есть блат в отделе кадров нашего клуба.

— А чего ж тогда этих двоих отшил? — Иван кивнул в сторону ушедших драчунов.

— Да какие они бойцы, груши боксёрские! Да ты и сам видел: со мной вдвоём справиться не могли, а что ж тогда говорить о Боях без Правил? Ты — другое дело. Не надо быть спецом, чтобы понять, из какого теста ты сделан. — Денис ещё раз внимательно оглядел Доброва, словно желая удостовериться в собственных словах, и добавил: — Так что, принимаешь приглашение?

— Скорее нет, чем да, — улыбнувшись, ответил Иван. — Спасибо, конечно, за доверие, но это как-нибудь потом, в другой жизни. Я в вашем городе проездом и уже купил билеты на вечерний поезд. Ты мне лучше подскажи, как до трамвайной остановки дойти, буду очень благодарен.

— Да это не проблема, трамвай вон за тем углом, — Дэн махнул в сторону ближайшего перекрёстка. — Только ты, Иван, всё же подумай над моим предложением. Жизнь такая штука — переменчивая: вдруг изменишь своё решение. На вот, возьми визитку, там указан мой сотовый; позвонишь, если передумаешь.

— Передумать не передумаю, а визитку давай. Жизнь действительно штука переменчивая.

Попрощавшись с новым знакомым, Иван быстро пошёл в сторону трамвайной остановки; из-за неожиданной задержки он рисковал опоздать на свидание с Алиной.

ГЛАВА 5

Весь прошедший трудовой день у Алины Переслегиной пошёл насмарку. С самого утра дело не заладилось; партия подопытных крыс, которым три дня назад сделали пробную инъекцию нового препарата, повышающего иммунитет организма, за ночь почти полностью вымерла, и не было сомнений, что с трудом ползающие по клетке оставшиеся животные не доживут и до вечера. Расстроилась Алина не столько из-за неудачного опыта, сколько из-за того, что ей было жаль подопытных крыс. Алина прекрасно понимала, что крысы не зря пожертвовали собой, что, если препарат будет получен, это спасёт множество человеческих жизней, но от этого на душе не становилось лучше. Почти до самого обеда она ходила по лаборатории мрачнее тучи, ни с кем не разговаривала, подготавливая очередную порцию препарата для новых опытов.

Всё изменилось после того, как позвонил Иван Добров, давнишний друг Алины. Настроение у неё резко переменялось, она повеселела.

— Анекдот новый вчера услышала, — сказала Переслегина, кладя трубку.

— Расскажи, — попросила Катя, непонятно что имея в виду: анекдот или содержание телефонного разговора Алины.

— В аптеке продавщица кричит вслед уходящему покупателю: «Мужчина, мужчина, у вас хлористый калий выписан, а я вам цианистый отпустила». — «И что же мне делать?» — «Добейте десять рублей в кассу».

Дослушав придуманную народом историю, Катя натужно рассмеялась, скорее не из-за содержания анекдота, а довольная тем, что её подруга вновь повеселела. Наведя раствор, она вновь перевела разговор на интересующую её тему.

— А кто этот Иван, с которым ты по телефону разговаривала? Раньше ты мне ничего о нём не говорила, — как бы между прочим, с трудом скрывая любопытство, спросила Катя.

— Да это давняя история, длинная как сама жизнь, — не считая нужным посвящать подругу в историю с Добровым, отмахнулась Алина.

— А у нас времени до конца рабочего дня уйма. Пётр Петрович сегодня уже вряд ли появится: они с Бузыкиным весь день убьют на получение химреактивов, сама знаешь, какая там волокита. Так что мы можем со спокойной совестью саботировать опыты, тем более что уже и так ясно: без изменения формулы препарат крысам давать нельзя — передохнут. Сама видишь, что со вчерашней партией сделалось.

— Да, крысок жаль, — согласилась Алина. — И формулу надо обязательно менять.

То ли из-за жалости к животным, то ли ей самой давно хотелось излить душу, рассказав историю давней любви, но Алина недолго сопротивлялась уговорам подруги. После звонка Ивана на неё навалились воспоминания юности, растревожив, казалось бы, давно ушедшее чувство. Стоило Алине услышать голос Доброва, как её сердце вновь учащённо забилось, как будто всё было вчера, а не пятнадцать лет назад; словно она вновь юная семнадцатилетняя девушка, а не замужняя женщина, от былой красоты которой не осталось и следа.

Думая так, Алина была чересчур категорична к себе. И хоть ей перевалило уже за тридцать, выглядела она не более чем на двадцать пять. Это и не удивительно: детей у Алины не было — Бог не дал, — за фигурой она всегда следила; за лицом, шеей и руками — тоже. Два раза в неделю посещая шейпинг-центр, она старалась держать себя в форме, и это у неё неплохо получалось.

На Алину обращали внимание все окружавшие её мужчины, начиная от директора Родионова и заканчивая молоденьким практикантом Бузыкиным, который буквально не сводил с неё близоруких глаз. Но у этой популярности была и обратная сторона. Если бы Алина знала, что её лучшая подруга — Катя завидует ей чёрной завистью, она бы очень удивилась. Но это было так. Всё произошло полгода назад, когда Катя, не без вмешательства своего отца, попала в

лабораторию к Петру Петровичу Переслегину — мужу Алины. С самого первого момента, как она увидела Алину, Катя безумно ревновала всех мужчин, которые обращали на неё внимание.

— Мы вместе учились с Иваном. Не в одном классе, в параллельных потоках. В школе я его почти не замечала, — отложив в сторону опостылевшие пробирки, проговорила Алина. — Помню только один раз в спортзале Добров посмотрел на меня так, словно я не обычная девчонка, а настоящее божество. Правда, тогда я не подала вида, что заметила его взгляд.

Сказав это, поскольку разговор предстоял длительный, Алина сходила в лаборантскую и, тщательно вымыв руки, вернулась в основное помещение лаборатории, которое делилось на две неравноценных комнаты — большую ярко освещённую, в которой стояли длинные столы, белея стерильной медицинской чистотой и где проводились опыты над бедными крысами, и меньшую — тёмную без окон, но с хорошей вентиляцией, в которой имелись письменные столы с компьютерами и в которой эти опыты разрабатывались.

За группой Переслегина также числилось ещё одно помещение на этом же третьем этаже, немного дальше по коридору, но его Пётр Петрович — по праву руководителя проекта — отвёл под собственный кабинет. Кроме Алины и Кати, а также практиканта Бузыкина, в группу Переслегина входили ещё двое: Рубен Григорьевич Аганесян — старейший работник института, и Татьяна Гаврилюк — третья сотрудница из женской половины лаборатории.

Несмотря на многочисленность работников лаборатории, сегодня на работе присутствовали только Алина и Катерина, остальных по различным причинам на рабочем месте не было. Переслегин и практикант с самого утра уехали на базу Минздрава получать препараты для проведения дальнейших исследований, и, как показывала практика, вернуться они должны были не раньше семи вечера. Гаврилюк ушла на больничный, умудрившись в невероятную жару подхватить грипп, а Рубен Григорьевич, копошась на даче, проводил очередной отпуск. Так что откровенному разговору подруг никто не должен был помешать.

Перебравшись в исследовательскую — так между собой работники лаборатории называли комнату с компьютерами — и удобно устроившись на мягком диванчике из белой кожи, специально установленном в углу для отдыха и чаепитий, подруги приступили к задушевному разговору.

— Близо сошлись мы на выпускном вечере, Иван тогда отшил одного моего чересчур назойливого ухажёра, и я была ему за это благодарна, — откинувшись на спинку дивана, Алина потянулась гибким телом, так что тонкий халат очертил каждый изгиб её красивой фигуры.

— Тогда и переспала с ним? — спросила Катя, глядя в упор на подругу.

— Нет. Тогда мы только болтали, пили тайком шампанское и целовались. Всё остальное случилось позже.

— Расскажи, как он тебя любил, — чуть слышно попросила Катя, поудобнее устроившись на диванчике. Скинув босоножки, она подтянула ноги под себя, не стараясь прикрывать их загорелую наготу.

— Как? — Алина ненадолго задумалась, потом ответила: — Это было красиво. Наверное, потому что и сам Иван парень красивый. Знаешь, Катя, у него поразительно сильное и очень мускулистое тело. По его телу можно мышечную анатомию изучать.

— Я тоже люблю красивых парней.

— Но красота Ивана не только в этом. Он добрый и нежный, он всегда заботился обо мне...

Слушая подругу, которая, казалось, снова переживает все приятные моменты первой любви, Катя сама стала понемногу заводиться. Глядя на Алину, одетую в белый медицинский халат, который плотно обтягивал её стройную фигуру, она вспомнила, что не раз наблюдала за тем, как переодевается подруга и невольно завидовала ей. Всё лето в лаборатории было невыносимо жарко, и женский персонал, наплевав на приличия, носил на работе лишь белые халаты, под которыми, кроме трусиков, ничего не имелось.

Почти не слушая Алину, то, как она описывала историю своих взаимоотношений с Добровым, Катя придвинулась к подруге и положила голову на её плечо. Алина обняла подругу, которая в ответ ещё сильнее прижалась, продолжая рассказ.

— Всё было чудесно и сказочно, а вот расстались мы буднично и серо. Ивана забрали в армию. Я очень этого не хотела. Не случись это, вся моя жизнь могла быть другой. Но Добрыни не было рядом, и через год я увлеклась одним сокурсником. Ивана я не могла обманывать и написала ему в армию письмо. Это и был конец нашей любви. А потом я вышла замуж за Переслегина и вовсе пришлось забыть о Доброве. Мой муж такой ревнивый, что иначе и быть не могло: он уж точно ни с кем бы меня делить не стал.

Услышав про Переслегина, Катя ещё сильнее прижалась к подруге; ей ли не знать про Петра Петровича. Не далее как три дня назад именно он ласкал Катю, при этом уверяя, что никого и никогда лучше в жизни не встречал. Переслегин положил глаз на Катю едва только она появилась в лаборатории. Оказывая тайные знаки внимания, он не раз пытался вызвать ответные чувства. И Переслегин своего добился; Катя, для приличия поупрямившись, наконец согласилась с ним переспать, но лишь для того, чтобы стать ближе к Алине, которую к тому времени почти боготворила. Кате казалось, что, если она переспит с мужем её подруги, то станет ближе и к самой Алине. И хотя по большому счёту этого не произошло, всё равно Катя не жалела о содеянном.

Вот и сейчас, слушая рассказ Алины, она в уме рисовала, как соблазняет и таинственного Ивана с чудным прозвищем Добрыня.

В соседней лабораторной комнате внезапно хлопнула дверь; послышались голоса не вовремя вернувшихся Переслегина и практиканта.

Алина, услышав голос мужа, очнулась от наваждения и поднялась с диванчика. Катя тоже спохватилась, и когда зав лабораторией вошёл в комнату, она, уже включив электрический чайник, с сосредоточенным видом доставала из тумбочки стаканы и початую пачку печенья.

ГЛАВА 6

На свидание Иван не опоздал, наоборот, приехал раньше назначенного срока. Трамвайной остановки он так и не нашёл и, решив не рисковать, поймал такси. Прибыв чуть раньше пяти, он при входе в стеклянный куб кафе купил газету, желая скоротать время. Заказав два стакана холодного апельсинового сока, Добрыня разложил на столике «Кубань» и стал внимательно её изучать. Первым делом в глаза ему бросилась передовица с громким заголовком «Краснодарский прорыв».

«На днях наш спецкор посетил известный на весь мир благодаря последним открытиям в области фармакологии Краснодарский химико-фармацевтический Научно-Исследовательский Институт. Разговор вёлся с ведущим научным сотрудником лаборатории клинической фармакологии доктором медицинских наук Петром Петровичем Переслегиным. Пётр Петрович любезно согласился ответить на вопросы, волнующие многочисленных читателей нашей газеты, о проводимых в руководимой им лаборатории научных экспериментах...»

Быстро пробежав статью, Иван не без удивления узнал, что муж Алины — учёный с мировым именем и что в руководимой им лаборатории проводятся эксперименты по синтезу медицинских препаратов, позволяющих существенно увеличить возможности человеческого организма. В статье также говорилось, что исследованиями Переслегина лично руководил сам директор института, а в состав его группы входит пять человек, в том числе А. Переслегина, то есть Алина — жена Петра Петровича.

Подивившись тому, как Алина из обычной девчонки превратилась в учёную матрону, о которой пишут в газетах, Иван только покачал головой: этот факт ещё больше говорил о том, что юношеские воспоминания остались в далёком прошлом и что Алина, превратившись в солидную женщину, вряд ли будет рада их встрече. Подумав так, Добров решил, что зря затеял встречу с давней любовью; время не повернёшь вспять, река жизни течёт лишь в одном направлении и всегда из прошлого в будущее.

Выпив стакан сока и рассеянно просмотрев газету, Иван задумчиво оглядел немногочисленное кафе, выходящее на улицу витринами стёкол. То ли из-за жары, то ли по другой причине, но, несмотря на конец рабочего дня, посетителей в кафе было немного. Неподальёку от Доброва сидел в одиночестве и набирался пивом мужчина средних лет с небритой, помятой физиономией и бросал взгляды по сторонам. Он смотрел то на сидящего почти у самого входа импозантного мужчину в деловом костюме, прижимавшего пухлый портфель к объёмистому животу, то на парочку пенсионеров, устроившихся слева от Ивана, которые осторожно лакомились пирожным, то на троицу молодых людей, стоящих у стойки и шумно обсуждающих результат последнего футбольного матча.

Алины всё ещё не было, и Иван нетерпеливо бросил взгляд на часы, висевшие над входом, которые показывали уже половину шестого. Простучав дробью пальцев по гладкой поверхности стола, Иван случайно перевёл взгляд на молоденьких девушек за столиком напротив. Одна из них, с чересчур смуглой даже для юга кожей, тотчас бросила быстрый ответный взгляд на Доброва. Иван, которого всегда удивляла способность женщин кожей чувствовать мужской взгляд, невольно смутился и сделал вид, что смотрит в сторону выхода. Девушка, разгадав его нехитрый манёвр, улыбнулась уголками губ и с преувеличенно сосредоточенным видом принялась доедать порцию подтаявшего мороженого. Её светловолосая подруга с двумя болтающимися, словно у школьницы, косичками также, посмотрев на Доброва, что-то сказала, после чего обе девушки, приснув, и вовсе развеселились.

«Мне бы их заботы, — подумал Иван, досадуя на себя, что невольно стал центром чьего-то внимания. И тут же про себя добавил: — Хотя девчонки очень даже симпатичные, если Алина не придёт — подойду, познакомлюсь».

Познакомиться с весёлыми подружками Доброву не довелось. В то время как он, совсем потеряв терпение — часы уже показывали сорок минут шестого, — собрался уходить, небритый мужик, опорожнив очередную пивную полуторалитровку, встал и, пошатываясь, направился на выход. Не пройдя и пары метров, он внезапно переменял своё решение и уселся за столик весёлых подружек. С их стороны послышался смех, и Иван, стараясь не смотреть в сторону смешливых девушек, поднялся из-за стола.

В этот момент он и увидел Алину, на которой было лёгкое платье в крупный жёлтый горошек. Едва войдя с улицы, она сразу же стала искать глазами Доброва и, заметив Ивана, с извиняющейся улыбкой направилась к нему. Несмотря на опоздание, она не собиралась оправдываться, потому что оправдания не любила в принципе, тем более в этом опоздании виновной себя не считала; это всё муж, который в данном случае не просто объелся груш, но и никак не желал после работы отставать от любимой благоверной. Помогли лишь уверения Алины, что она поехала к знакомой портнихе на важную примерку.

При виде Алины с Доброва сразу же слетела вся его неуверенность, он вновь стал тем Добрыней, которого Алина знала в юности: смелым, весёлым парнем, на которого всегда засматривались девчонки.

— Привет, Добрыня. Сколько лет, сколько зим, — бодро проговорила Алина, садясь за столик и сразу же пресекая все попытки Доброва сделать заказ. — Я не голодна, к тому же на диете.

— Каких зим, о чём ты, Алина, — вместо ответного приветствия сказал Иван. — Тут у вас, наверное, зимы никогда не бывает?

— Бывает, бывает, — уверила Алина старого друга. — Тут зимой такие злые ветра дуют, легче наши морозы перенести, чем их пронизывающий холод.

— Про ветра знаю, приходилось на Кавказе бывать.

— Даже так? И где же? — удивилась Алина, внимательно изучая лицо Доброва.

За прошедшие с их последней встречи годы Иван неуловимо изменился, и Алина никак не могла понять, в чём дело; что так отличает Доброва сегодняшнего от Добрыни далёкого прошлого. Разгадка прозвучала быстрее, чем Алина успела озвучить свой вопрос.

— В Чечне.

— Какими ветрами тебя туда занесло? — Алина так удивилась, что это было явственно написано на её лице.

— Служил по контракту.

— Понятно, — протянула Переслегина, хотя на самом деле ничего не поняла: зачем Добрыне чеченская война, да ещё по контракту?

После этих слов за их столиком ненадолго воцарилась пауза. Иван думал о том, что не так представлял встречу с Алиной. Сама же Переслегина думала о том, что наконец поняла, чем отличается сидящий перед ней Добров от Добрыни её юности. Глядя на теперешнего Добрыню, ей уже не казалось, что это милый парень, единственное достоинство которого — рельефная мускулатура и умение красиво любить. Нет, сейчас перед Алиной сидел прошедший огонь и воду солдат; воин, который знал цену жизни и цену любви. Перед Алиной сидел настоящий мужчина, и она невольно поймала себя на мысли, что Добрыня ей вновь интересен, что она заинтригована его чеченской историей и хотела бы знать, как прожил Иван годы после их разлуки.

Подумав, жаль, что Добров сегодня уезжает, Алина инстинктивно бросила быстрый взгляд на безымянный палец его правой руки и, не заметив кольца, на всякий случай хотела поинтересоваться, женат ли её давний друг, но не успела. В кафе в этот момент вошёл новый посетитель, и едва Алина заметила его, как слова встали у неё в горле комом.

Пётр Переслегин не торопясь вошёл в светлый куб кафе и, заметив поджидающего его товарища из Москвы, важно направился к тому. Мимходом взглянув на наручные часы, пода-

ренные женой в прошлый день рождения, Пётр Петрович недовольно вспомнил, что Алина опять поехала к какой-то неизвестной ему портнихе. Пора уже прекращать эти ненужные поездки; что жена, в самом деле, не может покупать готовые платья, обязательно надо их шить?

Решив, что вовсе не обязательно, Переслегин пожал вялую руку московского гостя, приподнявшегося для приветствия с сиденья, и по-прежнему прижимающего свободной рукой кожаный портфель.

«Чего он так бережёт свой саквояж?» — раздражённо подумал Переслегин и, присаживаясь на хлипкий стул, осмотрелся по сторонам. Первое, что ему бросилось в глаза, — это была его жена с каким-то парнем, сидящие за столиком всего в нескольких метрах от него.

«Портниха, говоришь», — подумал Пётр Петрович и, не обращая внимания на приветственные слова московского гостя, стал медленно подниматься.

Ревность всегда была любимым коньком Переслегина; Алину он ревновал так, как, наверное, никто не ревновал своих жён. Нет, Пётр Петрович не следил за благоверной, не бегал за ней, отгоняя назойливых ухажёров, он страдал молча, зная, что своим недовольным видом, показным спокойствием приносит жене боль. И Алина, увидев терзания супруга, тотчас прекращала танцевать с пригласившим её на вечеринке коллегой и шла утешать сидевшего в уголке мужа. Поначалу, в первые годы их супружества, такие немые сценки часто заканчивались дома выяснением отношений, но супружеская постель неизменно приносила мир, и Пётр Петрович, заснув в объятиях жены, прощал ей все, по его мнению, «неблаговидные» проступки.

Но ни тогда — в самом начале их семейной жизни, — ни сейчас, когда Переслегин и сам стал похаживать «налево», он не мог даже в дурном сне предположить, что у Алины кто-то на самом деле есть. Это было выше его понимания, выше того, что он мог представить в самом кошмарном сне.

Вмиг побледневший Переслегин направился к замершей от ужаса жене.

Алина, не мигая, как кролик на удава, смотрела на приближающегося мужа, не зная, что придумать в своё оправдание; какие бы сейчас ни были сказаны слова, она знала, что всё равно Переслегин ей не поверит.

С ужасом представляя, что сейчас будет, Алина, похолодев, ждала, когда подойдёт муж, и потому не обратила внимания на появившегося в кафе нового посетителя; хотя при других обстоятельствах она просто не смогла бы не обратить на него внимания.

Широко распахнув дверь, в помещение ворвался человек в абсолютно нелепой при такой жаре вязаной с прорезями для глаз маске. В руке неизвестный держал пистолет. Человек в маске, увидев стоящего в проходе прямо перед собой Переслегина, не раздумывая, выстрелил. В стекляшке кафе дважды грохнуло; одна из стрелянных гильз, отлетев, попала точно в чашку с мороженым смуглой девушки-хохотушки, разбрызгав по столику безнадёжно испорченный десерт.

Переслегин, больно дёрнувшись, попятился назад и, сделав пару неверных шагов, упал на пол; в этот момент вторая из девушек, та что с косичками, истошно заверещала. Человек в маске повернул в её сторону оружие, едва не столкнувшись при этом с подвыпившим гражданином, который подсел минуту назад за столик девушек. Тот, видимо, не разобравшись, в чём дело, резво поднялся со своего места. В ответ прозвучал ещё один выстрел, и небритый повалился на столик, полностью раздавив его своей тяжестью.

События развивались столь стремительно, что Иван не сразу понял, в чём дело, и по какому поводу ведётся стрельба. А когда разобрал, то чуть было не опоздал; Алина, увидев первого раненого, кинулась к нему, едва за это не поплатившись.

Убийца, заметив метнувшуюся женщину, выстрелил и в неё, но, поторопившись, не попал; пуля угодила в так и недоеденное пирожное парочки пенсионеров. Пенсионеры, под-

прыгнув от неожиданности на стульях, с удивлением уставились на размазанные по всему столу остатки сладкого.

Увидев, что Алина склонилась над Переслегиным, человек в маске вновь приготовился стрелять, но, замешкавшись, опоздал. Добров в этот момент уже подскочил к объятой ужасом от вида убитого Алине и рывком повалил её на пол, прикрывая собой. В небольшом помещении, и так уже успевшем пропитаться запахом пороха, вновь прогремели выстрелы. Пули ударили в стойку, чудом не задев кинувшихся в стороны парней — любителей футбола.

Иван, лёжа на полу, ждал, что убийца вновь выстрелит, теперь уже наверняка, но вместо выстрела послышался лишь сухой шелчок пистолетного бойка; у человека в маске закончились патроны. Добров быстро поднялся, надеясь воспользоваться паузой, чтобы опередить убийцу, но успел лишь увидеть его спину. Кинувшись к выходу, человек в маске резко распахнул дверь, чудом не разбив стекло, и, подбежав к стоявшей у края тротуара машине, быстро заскочил в неё. Послышался рёв мотора, и автомобиль, резко дёрнувшись, рванул вперёд, удаляясь с каждой секундой всё дальше от злополучного кафе.

Всё это Добров мог наблюдать, выбежав следом за убийцей на улицу. Он пробежал по улице спринтом короткую дистанцию, пытаясь разглядеть номер автомобиля. Так и ничего не увидев, Иван проводил взглядом уезжающую машину и вернулся назад в кафе, с желанием расспросить Алину: какого чёрта она кинулась спасать этого беднягу-убитого.

Вернувшийся в кафе Иван с удивлением обнаружил, что Алина бесследно исчезла.

ГЛАВА 7

Андрей Бурундуков всегда славился отменным хладнокровием, сосредоточенно доводя до логического конца любое, даже самое неприятное дело. В своё время он несколько лет проработал в органах, но вскорости, во время очередной чистки, выбыл из их рядов. Попался Бобёр на пустяковой взятке, поэтому дело решили не раздувать, уволив из МВД нечестного милиционера без лишнего шума. В жизни Бурундукова наступил трудный период, когда от него отвернулись все друзья, когда он остался без работы и средств к существованию. Ко всему прочему, в то же время от Бобра ушла, словно только этого и ждала, жена и, что самое обидное, — к его бывшему коллеге. Согнутый до земли под тяжестью всех этих бед, Бурундуков запил, и неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не Горец. Бобёр знал Гордеева ещё со времён работы в органах, иногда, по мере своих возможностей, ему помогая. И хотя существует такое мнение: не делай добра, не получишь и зла, — в своё время оказанные для Горца услуги сейчас, в трудную минуту, откликнулись помощью самому Бурундукову.

Гордеев, видя бедственное положение старого знакомого, нашёл для Бобра хорошего врача, который в короткий срок избавил Бурундукова от алкогольной зависимости. Горец не дал вконец опуститься бывшему менту, поручив ему хорошо оплачиваемую работу в своём клубе. Владимир Александрович сделал для Бурундукова так много, что Андрей не знал, сможет ли он когда-нибудь отплатить за сделанное для него добро.

Поэтому Бобёр всегда очень ревниво и старательно выполнял поручения своего шефа. И если Владимир Александрович сказал, что надо наладить контакты с московскими клубами, где тоже проводятся Бои без Правил, чтобы продать в столицу пробную партию препарата из института, то Бурундуков из кожи вон лез, но выполнил этот приказ. И потому что это личное указание шефа, и потому что дело действительно прибыльное; Бобёр своими глазами видел, как никому не известный новичок, принявший чудо-препарат, повалил знаменитого на весь край Атамана. Правда, в деле с продвижением препарата на московский рынок вышла небольшая заминка; только что на сотовый позвонил Крючков и сообщил Бурундукову — который сегодня взял отгул, чтобы погорбатиться на даче, — что Переслегин — учёный, придумавший чудо-средство, только что протянул ноги. Мол, какой-то придурок в маске посреди бела дня изрешетил его из пистолета. Так что работы впереди у Бобра было навалом, но такой работы он не боялся. Даром что ли в ментовке когда-то служил?

Позвонив шефу на мобильный, Бобёр коротко сообщил о происшествии и, услышав указание шефа срочно прибыть в клуб, стал торопливо собираться в путь.

Владелец «Кавказа» любил свой клуб едва ли не больше, чем собственную дочь. Дневал и ночевал в нём — особенно после того как развёлся с женой, — разгородив специально для этого просторный кабинет на две комнаты, одну из которых переделал в спальню. Горец лично следил за порядком в клубе и всё время придумывал новые планы, способные сделать так, чтобы его детище приносило ещё большую прибыль, ещё более процветало. Правда, куда ещё больше, Горец и сам не знал; «Кавказ» и так пользовался в городе хорошей репутацией и слыл едва ли не за самое престижное место отдыха. Особенно после того, как в клубе стали проходить зрелищные Бои без Правил.

Подумав о Боях без Правил, которые в последнее время приносили большую часть прибыли, Гордеев закрыл сейф и, плюхнувшись на мягкий диванчик, вновь собрался набрать на сотовом номер Бурундукова. Но не успел Горец прикоснуться к телефонным клавишам, как Бобёр собственной персоной пожаловал в кабинет.

— Беда, Владимир Александрович, беда, — войдя в кабинет, сказал Бурундуков и, торопливо протянув шефу для приветствия руку, добавил: — Даже не знаю, с чего начать доклад.

Проговорив так, Бобёр без приглашения — должность правой руки шефа позволяла это делать — плюхнулся на второй диванчик.

— Ты это, Андрей, брось свои упаднические настроения, — недовольно бросил Горец. — Лучше соберись и изложи факты.

— Понял, Владимир Александрович, больше такое не повторится, — ответил Бобёр и, собравшись с мыслями, сказал: — В общем, на первом месте один факт, самый неприятный — Переслегина, того учёного, что выдумал супернадобье, кто-то грохнул. Самое обидное, что я с этой лабораторной крысой уже обо всём договорился, оставалось лишь уточнить цену на препарат. Всё, как вы велели.

— Это хорошо, что договорился, — усмехнулся Горец, — а то Родионов загнул за препарат такую сумму, что неприлично даже вслух произносить. Пилюли, без спора, хороши, только зачем платить больше директору, когда можно заплатить меньше его сотруднику? Плохо только, что грохнули этого Переслегина.

— Ну так вот, — продолжил рассказ Бобёр, — договорившись обо всём с Переслегиным, я приставил следить за ним парочку своих людей — Крюка и Армена, чтобы уж всё было наверняка и без осечек. Переслегин обещал подготовить пробную партию препарата к концу недели. Сказал, мол, ему надо пару дней, чтобы изготовить нужное количество.

— Так сейчас и так уже конец недели, — перебил подчинённого Гордеев.

— Всё верно, я тоже подумал: уже конец недели, а учёная крыса всё не звонит и не звонит. Разгадка такого поведения оказалась до банального простой. Мои люди выследили Переслегина, когда тот пришёл на встречу с каким-то деловым жлобом. Я вот только что пробил информацию по нему — связи в ментовке у меня всё ещё остались, — он оказался приезжим из Москвы и связан со спортивными кругами столицы.

— Не иначе Переслегин нашёл более выгодного покупателя?

— Не иначе, — согласился Бобёр, — только вышло всё иначе. Пришёл наш Эйнштейн на встречу с покупателем, а его какой-то придурок в маске мочканул и был таков.

— А твои люди что же, так этому в маске и дали спокойно уйти?

— Пробовали не дать, да ничего из этого не вышло. Армен вон дёрнулся, что сказать, — одно слово, горячий кавказский парень, — с голой пяткой против нагана, сейчас в реанимации загорает.

— Этот киллер ещё и Армена подстрелил?

— Угу. К счастью, доктора говорят, что с ним всё в порядке: ранение хоть и серьёзное, но для жизни не опасное.

— Да, каша вокруг чудо-допинга начинает завариваться нешуточная, — протянул Гордеев. Потом спросил: — Что делать будем, Андрей?

— Я думаю, Владимир Александрович, труса праздновать, как вы и говорите, ещё рано. Во-первых, покойничек препарат всё-таки подготовил, иначе бы чего он с московским гостем пошёл договариваться. Тот всего лишь на денёк в Краснодар приехал.

— С чего ты так уверен?

— Так говорю же, связи остались: на его имя на завтра имеется билет на самолёт до Москвы.

— Понял. Выходит, точно Переслегин собирался москвичу продать препарат...

— Ещё не факт. Скорее всего, наш покойный учёный хотел узнать, кто больше даст: мы или гость из столицы. Но при любом раскладе необходимая порция препарата у Переслегина должна быть приготовлена.

— Если это так, то остаётся лишь эту партию найти. Я правильно понял ход твоих мыслей, Андрей?

— Правильно, Владимир Александрович. Я уже послал людей обыскать квартиру Переслегина.

— Думаешь, снадобье там?

— А где ещё? Не на работе же Переслегин его хранил?

— Точно, на работе это маловероятно. Родионов мог запросто пронюхать о препарате, и тогда плакали денежки у Переслегина.

— Они у него и так плакали. И хоть о покойных не говорят плохо, но всё же выскажусь — жадюга он был редкостный, этот убиенный учёный.

— Ну хорошо, найдём препарат: дальше что? — спросил Гордеев, потянувшись за пачкой сигарет: после сегодняшних неожиданных известий курить хотелось постоянно.

— Что? — Бобёр недоумённо посмотрел на шефа. — Продадим на пробу в Москву. Бабок заработаем немеряно, учитывая, что платить учёному уже не надо: в загробной жизни стероиды не нужны.

— Будем надеяться, что наши люди найдут препарат, тогда беда будет поправимой, — сказал задумчиво Гордеев. — Только мне не даёт покоя одна мысль: кому была выгодна смерть Переслегина?

— Может, его директор института заказал? Пронюхал Родионов, что помощничек хочет его опередить, и решил поставить того на место? — выдал предположение Бобёр.

— Ты что, Андрей, несёшь? — Горца аж передёрнуло от гипотезы помощника. — Да Родионов комара не убьёт, не то что человека! Он же всего боится и даже в туалет ходит с фонариком; вдруг из унитаза чья-нибудь голова вынырнет.

— Тогда не знаю кто, — быстро сдался Бурундуков. — Как говорится, загадка в духе Агаты Кристи.

— Вот ты эту загадку и разгадай; даром что ли бывший мент. И даром что ли зарплату у меня получаешь? Нам нужно знать, кто стоит за убийством учёного, и, если это окажутся какие-то наши недруги, надо будет нанести упреждающий удар. Надеюсь, сил для этого у нас достаточно?

— Достаточно, Владимир Александрович. Всё сделаю, как вы говорите. Крюка с Шарповым я уже отправил на квартиру покойного. Также подключу к этому делу ещё пару-тройку человек. Думаю, осилим неприятеля, кем бы он ни был.

— С оружием как? Всё в порядке?

— Конечно, всё как полагается: официально, с бумагами. Комар носа не подточит.

— Тогда действуй. Как обыщут квартиру Переслегина, сразу доложишь мне.

— Понял, — коротко ответил Бурундуков и, спеша выполнять приказания шефа, поднялся с диванчика.

— Вот и хорошо, Андрей, что ты всё понял, — строго глядя на засуетившегося подчинённого, проговорил Гордеев. Потом, спохватившись, добавил: — Да ещё, будь другом, пойдёшь через зал, отправь ко мне Лолу. Что-то последние новости совсем расшатали мою нервную систему, надо немного расслабиться.

Но как следует расслабиться Горцу не удалось; надоедливые мысли об убитом Переслегине, о неведомых конкурентах не давали покоя. Ни когда стриптизёрша Лолочка, спешно прибежавшая на вызов начальства, обольстительно раздевалась перед ним. Ни когда Гордеев, насмотревшись призывного танца живота, захотел, наконец, женского тела. И даже ни когда он этим телом овладел прямо на диванчике, на котором несколько минут назад сидел Бурундуков.

Мысль о возникших проблемах не дала как следует отвлечься шефу «Кавказа», но своё удовольствие он всё же получил; Лола была мастерицей не только в стриптизе, но и во всех остальных удовольствиях престарелого холостяка.

ГЛАВА 8

Всё произошло столь стремительно, что даже Добров, успевший повидать всего на своём веку, не сразу понял, в чём дело. А когда немного пришёл в себя, отойдя от шока, то сразу поспешил удалиться подальше от несчастливого кафе; в ближайшее время встреча с милицией никак не входила в его планы. Свидетелей происшествия было более чем достаточно, и помощь Доброва в этом деле не требовалась, к тому же Ивану необходимо было срочно отыскать внезапно пропавшую Алину; он не на шутку беспокоился за свою бывшую любовь. Почему-то же Алина кинулась к бедняге убитому, пытаясь тому помочь.

Только помочь ему Переслегина уже никак не могла, набитый свинцом, тот лежал мертвец мёртвого, смотря неподвижными глазами в потолок. Иван не раз за свою жизнь видел такой остекленевший взгляд, поэтому, вернувшись в кафе, безошибочно поставил диагноз пострадавшему.

К тому времени вокруг расстрелянного мужчины и раненого небритого хабреца возбуждённым кругом собрались посетители кафе; кто-то пытался помочь раненому, кто-то просто охал, поминая недобрым словом наступившие лихие времена.

Быстро оглядев помещение и нигде не заметив Алину, Добров незаметно выскользнул на улицу. Сейчас его помощь была нужнее Алине, — Иван в этом не сомневался. Решив, что она наверняка побежала в сторону, противоположную той, куда уехал убийца, Добров быстро двинулся по тротуарам. Выглядывая Алину, он внезапно заметил на противоположной стороне улицы мелькнувшее за угол дома знакомое платье в жёлтый горошек. Не думая о последствиях, Иван рванул на дорогу, стараясь не потерять из виду Переслегину.

Послышался резкий, бьющий по нервам визг тормозов, и Добров, ударившись о капот, отлетел, сбитый нехстати появившимся «Фольксвагеном», на раскалённый южным солнцем асфальт.

Придя в себя, Иван первым делом увидел испуганное лицо склонившейся над ним девушки. Она была моложе Алины, но чем-то неуловимым её напоминала. Такие же большие карие глаза, быть может, лишь чуть ближе посаженные, чем у Алины; такой же чувственный рот и прямой, аккуратный нос. И всё же девушка, хлопотавшая над сбитым её машиной человеком, не была копией Алины. Это понял Добров, как только пелена спала с его глаз и он полностью пришёл в себя.

Резко поднявшись, Добрыня поморщился от боли в левой ноге и, смахнув выступивший от неприятного головокружения пот на лбу, собрался продолжить преследование Алины. Сделав пару неверных шагов, Добров ощутил прилив тошноты и новый приступ головокружения. Ухватившись за кузов автомобиля, он попытался не потерять равновесия, но всё же упал, вновь ненадолго отключившись.

В следующий раз Иван пришёл в себя уже в салоне автомобиля. Он полулежал на заднем сиденье, а за рулём сидела девушка, недавно хлопотавшая над ним. Заведя двигатель, она бросила взгляд в зеркало заднего вида и, заметив, что Добров очнулся, быстро обернулась.

— Не беспокойтесь, я сейчас же отвезу вас в больницу, — сказала девушка с тревогой глядя на Ивана.

— Не надо в больницу, — сказал Добров, усевшись поправее. Встреча с медиками также не входила в его ближайшие планы. — Я ужасно боюсь уколов.

— Вам так досталось, а вы ещё и шутите? — удивилась девушка.

— Досталось? Это разве досталось? Быть сбитым такой симпатичной девушкой для меня всегда радость.

— Хороша радость, — глядя широко раскрытыми глазами на Доброва, проговорила девушка. — Чуть вас не угробила. У меня прямо сердце в пятки ушло, когда вы сознание

потеряли. Хорошо хоть прохожие помогли вас в машину загрузить. Вас надо срочно отвезти на станцию Скорой помощи, хоть вы и шутите, а это явный признак здоровья.

— Нет-нет, я сойду на этой остановке, — торопливо проговорил Иван, пытаясь открыть дверцу.

Но вновь от неловкого движения его ногу пронзила резкая боль, и перед глазами всё поплыло. Девушка, испугавшись, что Добров снова потеряет сознание, тронула «Фольксваген» с твёрдым намерением, чтобы он там ни говорил, отвезти пострадавшего в больницу.

— Послушайте, девушка, — проговорил Иван, как только справился с приступом слабости, — вы же не хотите мне зла?

— Конечно, не хочу.

— Тогда не отвозите меня в больницу. Я с детства не переношу запаха касторки и могу запросто от неё протянуть ноги. И вообще, у меня аллергия на врачей.

— Серьёзно?

— Серьёзней некуда. Вы лучше высадите меня на какой-нибудь трамвайной остановке и оставьте спокойно умирать.

— Умирать?

— Шучу я, шучу. Но разве похож я на умирающего?

— Минуту назад были похожи.

— Так это ж минуту назад, а сейчас я полностью здоров. Вот только ещё немного отлежусь и буду как новенький.

— Да вы и так на старенького не тянете.

— А что мы с вами всё на «вы» да на «вы», — спохватился едва справившийся с очередным приступом головокружения Добров. — Знакомы уже целых полчаса, а так друг другу и не представились.

— Так представьтесь.

— Иван.

— Иван? — удивилась девушка, так словно никогда не слышала подобного имени.

— Ну, можно просто Ваня, — пошёл на попятную Добров.

— Нет, почему же, Иван так Иван. А меня зовут Катя.

— Катя, а куда мы едем? — забеспокоился Добров. — Надеюсь, не в неотложку?

— Нет, Иван. Ко мне домой.

— К тебе домой... — удивлённо протянул Добров. — Звучит заманчиво.

— Конечно, домой. В самом деле, не бросать же тебя истекающего кровью на остановке. Только ничего такого, о чём ты сейчас подумал, не произойдёт. Просто отлежишься немного и пойдёшь дальше по своим делам.

— Кровью? — удивился Иван, не припомнив никакого кровотечения на собственном теле. — Хотя полежать немного я бы не отказался, голова что-то кружится.

— Голова? Может, всё же в больницу поедем?

— Никаких больниц. К тому же голова у меня может кружиться совсем от другого.

Катя, поняв, что её новый знакомый чувствует себя вполне сносно, не стала уточнять, от чего ещё может у него кружиться голова. Лишь деловито поинтересовалась:

— На третий этаж сможешь подняться?

— С тобой хоть на десятый.

Через полчаса они уже были в квартире Кати. Несмотря на заверения Доброва, поднялся он до третьего этажа, едва вновь не потеряв сознания. Опираясь на плечо Кати, обливаясь холодным потом, Иван с трудом доковылял до квартиры новой знакомой, комната в которой оказалась одна, но весьма просторная. Присоединённый к затемнённому окну мерно работал кондиционер: несмотря на жару снаружи, в комнате было свежо, из-за прикрытых плотных штор в помещении царил полумрак.

С трудом добравшись до дивана, Добров плюхнулся на него, вновь ощутив приступ боли в левой ноге. Чувствуя, что израсходовал все силы, он не придумал ничего лучшего, как, не спрашивая разрешения хозяйки, прилечь. Лишь растянувшись и закрыв глаза, Добров почувствовал себя лучше: вихрь головокружения стал понемногу останавливаться в голове. Так, в попытках справиться с приступами боли, неожиданно для самого себя Иван заснул.

Что ему снилось, он не помнил, но вряд ли это были радужные картины. Проснулся Добров от очередного приступа боли, хотя уже и не такой острой. Сон оказал благотворное влияние на пострадавший организм, вернул силы и, что самое главное, излечил от неприятных приступов головокружения.

Проснувшись, Иван с удивлением обнаружил, что лежит укрытый цветной простынёй, а из одежды на нём лишь футболка и плавки: брюки, изрядно запачкавшиеся от столкновения с автомобилем, и туфли с носками куда-то пропали. Спросить об этом странном факте оказалось не у кого; в комнате, кроме Доброва, никого не было.

К тому времени, когда Иван проснулся, за окнами сгустилась темнота, комната освещалась приглушённым светом ночного светильника. Вспомнив, что у него вечером отправление поезда, Добров безуспешно искал взглядом часы и, не найдя их, осторожно поднялся с дивана. Прихрамывая, он подошёл к окну.

По собственному опыту проживания на Северном Кавказе Добров знал, что ночь здесь наступает резко, внезапно, что на юге не бывает длинных, затяжных вечеров. Солнце здесь не садится по капле, как в более высоких широтах, а за считанные минуты ухает за горизонт.

Безрезультатно вглядываясь в ночную улицу, Иван не смог определить, какой сейчас час: если меньше полуночи, то он ещё успевал на поезд. Квартира у Кати располагалась в самом центре Краснодара, и движение по улице, виднеющейся внизу, не прекращалось даже поздней ночью. Подумав о Кате, Иван неожиданно подумал, что девушка ему понравилась. Не то чтобы он влюбился с первого взгляда, вовсе нет; Добров не был настолько влюбчив, чтобы терять голову при виде любой симпатичной мордашки. Просто новая знакомая чем-то — то ли схожестью черт лица, то ли ещё чем — напомнила Ивану Алину его молодости, в которую Добров как раз и был когда-то не на шутку влюблён. Может быть, этому содействовала встреча с Алиной, закончившаяся так неожиданно, может, в самой Кате было такое, что тянуло к ней мужчин, но Иван внезапно пожалел о необходимости ехать на вокзал.

Хотя боролся Добров с этим приступом недолго; в конце концов, стоит ему сесть в поезд, а ещё лучше — выйти на вокзале в Сочи, как он забудет и Катю, и непонятную встречу с Алиной.

— Ты уже встал? — неожиданно услышал Добров женский голос. — Как себя чувствуешь?

— Нормально, — обернувшись, ответил Иван и, спохватившись, что стоит перед девушкой в одних плавках, вернулся на диван и осторожно присел. — Ты мои брюки случайно не видела?

— На балконе сохнут, я их немного сполоснула.

— Хорошо же меня звездануло, не помню, как раздевался.

— А ты и не раздевался, я сама брюки с тебя стянула, — как само собой разумеющееся проговорила Катя и тоже присела на диван.

— Ты?! — удивлённо переспросил Иван.

— Конечно, кто же ещё. Я здесь живу одна.

— Одна? Что, ни мужа, ни, как говорит современная молодёжь, бой-фрэнда у тебя нет?

— У меня другие интересы.

— Понятно, — протянул Иван, быстро оглядывая череду книжных шкафов, стоящих вдоль стены и доверху набитых книгами.

«Учительница, а может, просто начитанная девушка», — подумал Добров, всегда относившийся с уважением к образованным людям.

— Что понятно?

— Понятно, что ты интересная девушка, Катя, и по всему видно умная. Машину, опять же, сама водишь, — ответил Добров и, улыбнувшись, добавил: — Правда, не совсем умело, меня едва в асфальт не закатала.

— Сам виноват, нечего на дорогу выскакивать, как прыгун с трамплина в воду. Что называется: соблюдай Правила Дорожного Движения и помни о них в любой час дня и ночи.

— Кстати о любом часе ночи, — спохватился Добров. — Не знаешь, который сейчас час?

— Точно не скажу, но должно быть часа два после полуночи.

— Два ночи?! — Иван едва не вскочил с дивана.

— А что такое? Ты куда-то торопишься? Оставайся до утра, залечивай раны. Я тебя потому и не будила, памятуя, что сон — лучшее лекарство.

— Спасибо, конечно, Катя, за заботу, но всё дело в том, что в Краснодаре я проездом.

— Так ты не местный? То-то я слышу, что говоришь как-то не так.

— Я из Нижнего Новгорода. Еду, так сказать, на курорт, в Сочи. Отдыхать.

— Путёвка?

— Нет, дикарём.

— Тогда чего убиваешься? Приедешь днём позже. Завтра с утра съездишь на вокзал, купишь билет и ещё успеешь отдохнуть на пляжах курорта.

Добров на секунду задумался над словами Кати. Потом, неожиданно даже для себя, ответил:

— Это верно, только поездка в Сочи пока откладывается. Если уж так получилось, что я опоздал на поезд, то тогда я ещё ненадолго задержусь в Краснодаре. Здесь у меня остались кое-какие незавершённые дела.

— Женщина? — как бы между делом и, казалось бы, совсем не по теме спросила Катя.

— А ты проникательная, Катя, — удивляясь, ответил Добров. — Впрочем, вы, женщины, всегда думаете, что в деле замешана другая. Хотя в этот раз это действительно так.

— Расскажи.

— Тебе это будет не интересно.

— Любовь — это всегда интересно. Тем более для женщины.

— Любовь? Нет, любви в моей истории уже нет.

— Тогда что же?

— Что?

Добров задумался, не зная, что ответить. Действительно — что? Что мешает ему сесть завтра на поезд и со спокойной совестью укатить на курорт? Никакие отношения, даже мимолётно-дружеские, давно уже не связывают его с Алиной. За то время, как они расстались, прошла целая жизнь: Добров успел жениться и потерять жену. Он успел узнать многих женщин, и при этом никогда не вспоминал Алину. И всё же, наверное, никогда её и не забывал. Алина оставалась в самом дальнем уголке его сердца, спрятанная среди лучших воспоминаний юности. И пусть она жила в другом городе, с другим мужчиной, для Ивана она навсегда осталась первой любовью, которую он не мог бросить в беде.

— Это трудно объяснить, Катя. Просто я такой человек. Это, наверное, мой крест — ввязываться в дела, не имеющие ко мне никакого отношения.

Туманное объяснение Доброва ничего не прояснило для Кати, и она напрямую спросила:

— Как её зовут?

— Алина.

Услышав ответ Ивана, его новая знакомая вздрогнула и переспросила:

— Её зовут Алина?

— Да, что тут такого удивительного? Редкое имя?

— Нет, просто одну мою знакомую тоже зовут Алина.

— Значит, не такое уж это редкое имя, — Добров недоумённо пожал плечами и, зевнув, добавил: — Ты лучше скажи, добросердечная хозяйка, где мне, усталому, прилечь. На кухне?

— Зачем же на кухне, устраивайся прямо здесь, на диване.

— А где же ты будешь спать?

— И я на диване. Он же двуспальный, расправим — места нам обоим хватит.

— Ну, если ты не боишься, что я...

— Тебя мне что ли бояться? — насмешливо бросила Катя, доставая из шкафа спальные принадлежности.

— Верно, чего меня бояться. Я не страшный и к девушкам не пристаю, к тому же калека.

— Вот и хорошо, что не пристаёшь. Помоги мне лучше, калека, диван расправить. Спать очень хочется.

Но уснуть им сегодня удалось далеко не сразу. Иван, как истинный джентльмен, и мысли не допускал, чтобы обмануть ожидания гостеприимной хозяйки; обманывать доверие человека было не в его принципах. Поэтому он вежливо отвернулся, когда Катя, несколько его не стесняясь, стала раздеваться, готовясь ко сну. Поэтому он дал зарок — не притрагиваться к доверившейся ему девушке.

Иван не знал, о чём думала Катя, забираясь под тонкую простынку, может быть, тоже давала зарок, может, тоже думала, что всё это не очень правильно. Этого Иван не знал, но стоило ему очутиться в одной постели с новой знакомой, как каким-то неведомым образом он оказался в объятиях Кати, которая вовсе не противилась этому.

ГЛАВА 9

Гневный звонок сверху застал Молодницкого врасплох. Юрий Олегович, конечно, ожидал, что его не будут хвалить за провал нашей сборной по боксу на только что прошедшем чемпионате Европы, но не думал, что всё произойдёт так быстро; без предварительного уведомления и обычного разбора полётов, который всегда проходил с тщательным поиском ответов на вечные русские вопросы: кто виноват и что делать.

Судя по жёсткому голосу замминистра, на этот раз виноватого нашли быстро, каковым оказался именно он — Юрий Олегович Молодницкий.

— Вы меня внимательно слушаете, Юрий Олегович? — в который раз повторял зам «самого». — Вы делаете выводы?

Юрий Олегович выводы делал. Стоя едва ли не по стойке смирно, он, покрывшись липким, неприятным потом, плотно прижимал мобильник к уху, так чтобы сидящий в его кабинете гость не слышал разговора, и пытался оправдаться за неудачу боксёров.

— Андрей Андреевич, вы прекрасно знаете, сколько денег идёт из бюджета на развитие спорта в нашей стране. С такими средствами просто невозможно...

— С такими средствами, говоришь? А не на эти ли самые средства построен твой особняк на Рублёвке? — в гневе зам главного часто переходил на ты. — Не туда ли ушли народные средства?

— Что вы, что вы, Андрей Андреевич. Я вас прекрасно понял и сделал выводы. К следующему чемпионату...

— К следующему чемпионату тебя, дорогой Юрий Олегович, может уже и не быть в министерстве. Делай что хочешь, как можешь выкручивайся, но на Мировом первенстве наша команда боксёров должна, нет, просто обязана, занять если не первое, то хотя бы призовое место.

— Я понял, Андрей Андреевич.

— Понял? Так вот пойми, уважаемый Юрий Олегович, что наши боксёры всегда были лучшими в мире. Советская школа бокса всегда была передовой, и я не позволю её разваливать таким людям, как ты. Или даёте результат, или... Мы будем делать выводы.

В трубке воцарилась тишина, и Молодницкий обессиленно плюхнулся в кресло. Убрав во внутренний карман мобильный — зам министра всегда, когда был недоволен работой подчинённых, звонил на их личные сотовые телефоны, — Юрий Олегович лишь сейчас заметил выжидающе смотрящего Измайлова.

— Проблемы, Юрий Олегович? — поинтересовался Измайлов.

Молодницкий, не ответив, нервно ослабил узел галстука и, подойдя к окну, приоткрыл створки. В кабинет тотчас ворвался гул московских улиц, шум бесконечного потока проезжающих автомобилей, едва различимые с седьмого этажа людские голоса. Юрий Олегович раздражённо достал из кармана пачку «Мальборо» и, лишь закурив, сделав несколько глубоких затяжек, немного успокоился.

Про проблемы Измайлов, а если быть более конкретным — «Кашей», именно так именовался в среде своих сидевший в кабинете гость, — попал в самую точку. Проблемы у Молодницкого были, и ещё какие. Всё началось не сейчас, не на этом злосчастном чемпионате, где наша команда не заняла даже призовых мест, всё началось ещё тогда, два года назад, когда в министерство пришёл Юкишев, первый зам министра. Тот самый, что только что разговаривал с Молодницким по телефону. Юрия Олеговича он сразу невзлюбил, это было заметно невзлюбленным взглядом по множеству бестолковых придировок, по требованию того, чего нельзя выполнить в принципе. Молодницкий уже тогда понял, что его хотят выжить. Из достоверных источников он знал, что зять Юкишева рвётся на его место, поэтому не удивлялся нападкам

замминистра: в каждом деле надо искать чей-то корыстный интерес. Но Молодницкого не так-то легко было «съесть», он был тёртый калач, выдавший всё и вся. И связи у него имелись на самом «верху», и вес в министерстве он имел — как-никак бывший чемпион России по боксу... Будь он неладен, этот бокс. С бокса всё и началось после того, как Молодницкого — не без подачи Юкишева — назначили ответственным за этот вид спорта. А назначив, стали требовать результаты, которые как назло не шли. Чего только Молодницкий не делал, желая удержаться на плаву, но результаты упорно не хотели радовать вышестоящее руководство. И ранее непотопляемый Молодницкий с каждым днём стал чувствовать себя всё не увереннее; коллеги за спиной стали перешёптываться, бросая косые взгляды — верный признак надвигающейся беды. Юрий Олегович чувствовал: надо срочно что-то предпринимать, ведь, если его попросят из министерства — о сытой столичной жизни придётся забыть. Придётся уехать в провинциальный Ижевск; с карьерой будет покончено раз и навсегда, — если только можно будет назвать должность директора какой-нибудь ДЮСШ продолжением карьерного роста.

— Проблемы, Константин Андреевич? — нервно выбросив в окно недокурную сигарету, переспросил Молодницкий. — Никаких проблем. Разве это проблемы, когда тебя грозит уволить?

— Юкишев звонил? — спросил Кащей, выказывая информированность по данному вопросу.

— Он, — безвольно махнул рукой Молодницкий и, пройдя к своему креслу, мешком плюхнулся в мягкую кожу. Разговор с начальством выбил спортивного чиновника из колеи, и он неожиданно для себя, отбросив обычную сдержанность, с горечью в словах выдал: — Давно уже на меня старый пень нож точит, зятя своего в моё кресло метит.

— Даже так? — удивился Измайлов. — А говорили, он сверхчестный, этот новый первый зам.

— Честный, как же... До тех пор, пока дело не касается его лично. А так, я тебе, Константин Андреевич, многое мог бы рассказать о его честности.

— А ты не мне, ты кому следует шепни.

— Шепнуть? Бесплезно это, доказательств никаких нет. К тому же я и сам не без греха. Вот если бы...

— Что если бы?

— Если бы улучшить показатели наших боксёров, тогда другое дело; никакого компромата не потребуется — кресло уж точно за мной останется. А под Юкишевым, наоборот, земля сразу бы неровно заходила — не так уж он прочно сидит в первых замах, как думает. Многие только и ждут повода, чтобы спровадить этого сверхчестного на пенсию. А там глядишь, на его место и кандидатура подходящая, в моём лице, найдётся. Только эта мечта слишком невероятна, чтобы стать реальностью.

— Почему?

— Слышал, наверное, как наша сборная по боксу выступила?

— Смотрел по телевизору все бои, сердце кровью обливалось.

— Чего тогда спрашиваешь, — горестно отмахнулся Молодницкий и, обхватив голову руками, добавил: — Чую, конец мне, Костя, приходит.

— Ты это, Юра, брось про конец, — отозвался на истерическую реплику Кащей, знавший Молодницкого ещё с тех давних пор, когда тот первый раз выиграл чемпионат России. — Из любого положения, даже самого безвыходного, всегда есть выход.

— Выход? Ты шутишь? До Мирового чемпионата осталось меньше года, и если команда и там проиграет, то меня вышвырнут из этого кресла.

— Никаких шуток, Юрий Олегович. Есть один способ улучшить показатели сборной даже за такой короткий срок.

— И что за способ?

— Измайлов ненадолго замолчал, словно раздумывая, рассказать о таком способе или нет. Наконец, решившись, выдал:

— Мне тут на днях продемонстрировали некий препарат, улучшающий показатели спортсменов...

— Допинг, что ли? — недовольно перебил собеседника Молодницкий. — Ты же знаешь, как у нас с допингами строго.

— Не допинг, по крайней мере, ни один допинг-контроль его не определит. Этот секретный препарат, разработанный в одном из закрытых НИИ для нужд оборонки, позволяет на короткий срок намного увеличить физическую силу человека, а также его выносливость.

— Его что, для военных создавали?

— Да, но этот препарат никому не известен, в том числе и в армии. Всё находится на стадии научных исследований.

— А результаты есть?

— Результаты просто поразительные; недавно я сам смог в этом убедиться.

— Говоришь, допинг-контроль его не определяет?

— Не определяет, это точно. Я сам в этой химии слабо разбираюсь, но научная крыса, что изобрела такое «лекарство», говорил, что оно работает по совершенно новому принципу и его действие абсолютно безвредно для организма. Короче, скушал таблетку, стал на полчаса силачом, а потом и в ус не дуешь. И никаких побочных эффектов.

— Чудеса, — протянул Молодницкий.

— Чудеса науки, — уточнил следом за ним Кашей. Потом, как бы невзначай, добавил: — Так что, заинтересовал тебя, Юрий Олегович, этот препарат?

— Заинтересовал. Только сколько это будет стоить?

— Сразу скажу — немало. Но денег я, думаю, ты, Юрий Олегович, найдёшь. Ты же у нас не из бедных.

— Да и ты, Константин Андреевич, в нищих не числишься.

— Вот и славно, вместе и насобираем нужную сумму.

— Деньги найдём, не беспокойся. Ты главное достань этот препарат, хотелось бы посмотреть на него в действии.

— Без проблем. Со дня на день должны доставить пробную партию, а у меня как раз Бой без Правил намечаются. Так что, Юрий Олегович, приглашаю; увидишь всё своими глазами.

— Договорились. И если всё окажется так, как ты говоришь, век не забуду твою помощь. Долг, как известно, платежом красен.

ГЛАВА 10

Утро следующего дня принесло Доброву если не выздоровление, то по крайней мере вполне сносное состояние здоровья. Голова перестала кружиться, нога уже не отдавалась болью при каждом движении. И если бегать Иван пока бы не рискнул, то ходить был вполне в состоянии.

Проснувшись, он увидел, что находится в комнате один, Катя куда-то вышла. Судя по яркому солнцу, пробивающемуся сквозь неплотно прикрытые шторы, времени было уже немало, и Иван, поднявшись с дивана, торопливо оделся. Пересекая искрящиеся пылинками лучи света, он прошёл на кухню, но хозяйки квартиры не оказалось и там. Не найдя Катю и в ванной, а также не обнаружив записки, которую могла оставить новая знакомая, Добров вернулся в комнату.

Гадая, куда подевалась хозяйка квартиры, Иван вспомнил, что сегодня суббота, а, следовательно, на работу Катя уйти не должна; наверняка она вышла ненадолго, вполне возможно — в магазин за продуктами. Да и мало ли какие дела могли быть с утра у молодой, красивой девушки, о жизни которой Добров ничего не знал.

Желая восполнить этот пробел, Иван быстро осмотрелся в поисках предметов, характеризующих их хозяйку. Осмотревшись, он с удивлением сообразил, что необдуманно зачислил Катю в школьные учительницы, начитанной, но с мизерной зарплатой, влачащей полуголодное существование. Глядя на дорогой, неприлично больших размеров телевизор, он вспомнил, что его новая знакомая ко всему прочему управляет тоже довольно дорогой и явно не одолженной у подруги машиной. Продолжив осмотр, Иван обратил внимание на мелочи, на которые вначале не обратил внимания. Например, на мебель, хоть и простую с виду, но явно дорогую, а также на приютившийся в углу компьютер. Отделка квартиры была под стать интерьеру, в стиле «евроремонта». Мерно работающий кондиционер, приютившийся за окном, довершал картину жилища «бедной российской учительницы».

«М-да, с учителькой я немного погорячился», — подумал Добров и внезапно увидел фотографию Алины. Это было так неожиданно, что Иван вначале не поверил своим глазам, увидев Переслегину на фото в красивой рамке на стене. Таких совпадений просто не могло быть, поэтому Иван, не веря собственным глазам, поднялся с дивана и, взяв в руки озадачившую его фотографию, подошёл к окну.

Он втайне надеялся, что всё же обознался, что стоит ему откинуть штору и окунуть кусочек бумаги с таким знакомым лицом в поток солнечного света, как наваждение спадёт. Но наваждение не исчезло; не было никаких сомнений, что это была именно его Алина. Судя по всему, фото было сделано достаточно давно, — лет шесть-семь назад: Алина на нём выглядела просто великолепно. Стоя по колено в морской воде, в ярком, аккуратном купальнике, она приветливо смотрела со снимка. Доброва словно окатило шелестом морских волн, криком беспокойных чаек, суетящихся в синеве неба, и знойным пляжным солнцем.

Иван никогда не верил в совпадения, и сейчас, глядя на взволновавший его кусочек бумаги, не мог отделаться от мысли, что его встреча с Катей не была такой уж случайной. «Не бывает случайностей, бывают лишь непонятые закономерности», — вспомнил Иван изречение какого-то философа и, повинувшись наитию, посмотрел в окно, бросив взгляд на хорошо просматривающийся с его места вход в подъезд.

Добров увидел стоявшую у самого дома машину, силуэт которой ему показался подозрительно знакомым. Как показался знакомым и человек, удалявшийся быстрым шагом от этой машины. Незнакомец, подходя к подъезду, натянул лыжную вязаную шапочку, казавшуюся нелепой, смешной в это жаркое летнее утро.

Доброву, наоборот, стало вовсе не смешно; точно такую же лыжную шапочку он уже видел совсем недавно при обстоятельствах, вовсе не вызывающих смех.

В экстремальных ситуациях Иван всегда действовал быстро, чётко, без лишней суеты. Прихватив сумку, он двинулся к выходной двери: что-то подсказывало ему — гость в лыжной маске пожаловал по его душу.

Выскочив на лестничную площадку и осторожно, чтобы не дай бог не хлопнуть, затворив дверь, Добрыня услышал звук грохнувшей внизу подъездной двери и, не раздумывая, в несколько прыжков поднялся на следующий этаж, где и замер, прислушиваясь к звукам, доносящимся снизу.

С третьего этажа послышался звук шагов, затем чуть слышное бряцанье ключей. Стараясь неосторожным движением не выдать своего присутствия, Иван спустился на несколько ступенек вниз и сквозь решётку перил увидел спину незнакомца. Добров не ошибся, незванный гость — тот самый, что убил человека в кафе, — в той же самой нелепой чёрной маске стоял у дверей Катинной квартиры. В этот момент он как раз открывал дверь, вынужден из-за пазухи чёрной куртки-ветровки — также совершенно нелепой в эту летнюю пору — пистолет с длинным стволом-глушителем.

Не дожидаясь, пока незнакомец обнаружит его присутствие, Добров поднялся обратно на площадку четвёртого этажа. Он надеялся дождаться, когда убийца зайдёт внутрь квартиры, чтобы проскочить в этот момент на улицу, но, вернувшись на площадку четвёртого этажа, внезапно столкнулся с вышедшей из квартиры старушкой.

— Здравствуйте, — не зная, что сказать, выпалил Иван подозрительно смотрящей на него бабуле.

— Здравствуй, коли не шутишь, — строго сказала старушка и тут же поинтересовалась: — В гости к кому-то пришёл?

— Да, в гости, только не застал. К девушке знакомой, она живёт этажом ниже, прямо под вами.

— К Катьке Гордеевой, что ли?

— Да, к ней, — быстро согласился Иван, вполуха прислушиваясь к звукам снизу; незнакомец мог вот-вот выйти из квартиры.

— Так Катька ж в магазин побёгла. Я в окно углядела: она из дома выскочила.

— В магазин?

— А куда же ещё? — удивилась нелепому вопросу бабуля, видимо хорошо знакомая со стилем жизни молодой соседки. — Пешком побёгла, не на машине, выходит, точно в магазин. Ежели бы куда дальше — обязательно бы на машине покатила.

— Понятно, — протянул Иван, совсем уже собираясь расстаться со словоохотливой старушкой, но, услышав снизу щелчок дверного замка, насторожился; сейчас делать этого не стоило.

— Выходит, ты знакомец Катькин. Чего тогда стоишь? Негоже в дверях стоять. Заходи ко мне, подождёшь свою Катьку, у меня из окна кухни хорошо двор видно. Враз заметишь, когда Катька домой побёгнет.

Собственно, у Ивана не было выбора; припомнив о пистолете с глушителем незванного визитёра, он без раздумий последовал приглашению бабули. Пройдя на «кухоню» бабули, Добров устроился у окна, наблюдая за двором и ожидая, когда человек в маске покинет дом. Не забывая пить квас, очень кстати предложенный бабушкой — которую, как оказалось, зовут бабой Верой, — Добров вполуха слушал болтовню Катинной соседки и размышлял о превратностях собственной судьбы.

Казалось бы, чего проще — доехать до Сочи и как следует отдохнуть на всероссийском курорте. Так нет же — вечно ему, Доброву, не везёт, — получай вместо заслуженного отдыха странное убийство в кафе и киллеров, выползающих из шкафа. Иван понимал, что в любой

ситуации человек всегда виноват только сам. Вёл бы он себя поумнее, не лез бы куда не следует, не встречался бы с бывшими и вновь приобретёнными пассиями — и всё было бы хорошо. Стоило лишь дожидаться вечера, сесть на поезд вовремя, и загорал бы он сейчас на сочинском пляже, вместо того чтобы прятаться от киллера в квартире бабы Веры.

Но, думая так, Иван прекрасно понимал, что если бы да кабы — в его случае скорее всего не сработало. Видно, так уж уготовано ему судьбой вечно вязываться в переделки, хоть и мало его касающиеся, но выматывающие по полной программе. Но Добров также знал, что, раз встряв не в своё дело, он ни за что не отступится и доведёт это ставшее своим дело до конца. Каким бы неприятным оно ни было.

— Ты пей, пей квас, Ванюша, — уговаривала гостя словоохотливая старушка, успевшая узнать, как зовут Катькиного ухажёра, и наливавшая очередную кружку традиционно русского напитка, оказавшегося на удивление Доброва почему-то белого цвета. — Да, квас это, квас, ты не смотри, что он белесый, здесь на Кубани такой квас ставят.

— Да, у нас в Нижнем квас другого цвета, — согласился Иван, опорожнив кружку холодного напитка, — хотя по вкусу и не отличишь.

— Ты как с Катькой ознакомился? — неожиданно выдала бабуся, видимо, давно мучивший её вопрос. Заметив смущение Ивана, добавила: — Катька она же скрытная, ничего лучшей соседке не кажется. Такого парня приворожила — и всё молчком.

— Да, мы недавно знакомы.

— Недавнича? Видно, очень ты ей приглянулся, Ванюша, ежели Катька тебя в гости пригласила. Три года она у меня в соседках живёт, и ни единого разу я не видела, как к ей хлопцы бегали.

— Так уж и не бегают? — насмешливо переспросил Иван, почему-то припомнив визитёра с пистолетом.

— Ни единого. Я из своей кухни всё вижу, каждый ейный шаг. Катька у нас девка учёная, книг одних в ейной квартире пять шкафов стоит. Парнями не интересуется. А вот тебя, надо ж, пригласила.

Иван хотел ответить бабуле, но в этот момент заметил, как убийца выскользнул из подъезда и, сняв на ходу маску, двинулся к машине. Дождавшись, пока он уедет, Иван, подхватив сумку, поднялся и, поблагодарив за вкусный квас очень недовольную быстрым уходом гостя бабулю, направился на выход. Бросив напоследок бабе Вере, что пойдёт следом за Катей в магазин, Добров вышел на улицу.

ГЛАВА 11

В то, что произошло, Алина поверила лишь добравшись домой. Убийство мужа никак не укладывалось у неё в голове, хотя где-то в глубине души, на каком-то неведомом уровне подсознания она давно была готова к такому повороту. Слишком уж часто в последнее время Петя повторял, что скоро урвёт большой куш и они наконец-то разбогатеют. Вот и урвал.

Всё дело было в Метапромизоле — препарате, давно синтезированном в лаборатории Переслегина, но лишь в последнее время получившем практическое применение. Алина была в курсе всех дел мужа, к тому же работала в его лаборатории, немало сил отдав на создание препарата, поэтому прекрасно понимала, что слова Петра о больших деньгах имели под собой основу. Это был действительно уникальный, не имеющий аналогов препарат. Он позволял значительно увеличить выносливость и физическую силу человека. Кроме того, препарат действовал на нервную систему человека, улучшая его реакцию, и не было сомнений, что в поединке один на один всегда выиграет человек, принявший этот препарат.

Правда, лишь на короткий срок, что-то в пределах часа, но этого времени должно было хватить попавшим в экстремальные ситуации людям: спасателям, военным, сотрудникам спецслужб. Действие Метапромизола было абсолютно безвредно для организма, без каких-либо побочных эффектов. Его можно было принимать даже беременным женщинам, если таковым вдруг потребовалось бы значительно увеличить свою физическую силу.

Это был заказ военного ведомства, и все разработки по его получению осуществлялись из бюджетных средств. Правда, их поток практически иссяк в последнее время, и формально лаборатория прекратила работу над Метапромизолом. Это произошло, как только руководивший группой Переслегин и его непосредственный начальник Родионов поняли, что за чудо-средство им удалось синтезировать. По этой же причине они давно отвадили проверяющих из числа военных, значительно преуменьшив в их глазах значение Метапромизола и официально отодвинув на несколько лет сроки его получения.

Конечно, Родионов, как руководитель института, не раз, давая интервью, сообщал прессе о перспективных разработках института, упоминая Метапромизол, но всегда лишь с упреждением на будущее. Мол, в скором времени в стенах его института будет получен чудо-препарат, способный облегчить работу людей экстремальных профессий. Но Родионов под «скорым временем» давал понять, что это сроки от десяти лет, и лишь немногие посвящённые в курс дела, в число которых входила и Алина, знали, что препарат давно получен.

Родионов с Переслегиным не собирались бесконечно водить за нос военных, но и упустить шанс хорошо заработать не желали. Особенно хотел разбогатеть Переслегин. Если сделавший неплохую карьеру Родионов и так уже был величиной немалой, что у нас, что за рубежом, то муж Алины к своим пятидесяти всё ещё не добился ничего значительного.

Переслегин всегда мечтал о деньгах, а также о славе, и если про последнюю пока приходилось забыть — его неуёмный начальник не позволял расти способному подчинённому, — то деньги вполне можно было заработать. Причём заработать по-настоящему, а вовсе не те крохи, что давал ему Родионов.

Алина знала, что Переслегин самостоятельно ищет покупателей на пробную партию Метапромизола, сердцем чувствуя, что к ни к чему хорошему это не приведёт. Она не раз отговаривала мужа от этой затеи, говоря, что он играет с огнём, но Пётр лишь отмахивался от страхов жены, отвечая — это единственный шанс в его жизни по-настоящему разбогатеть. Правда, при этом Переслегин не раз оговаривался, что люди, с которыми он вышел на контакт, очень серьёзные, и если выйдет накладка, ему не избежать проблем.

Слушая болтовню супруга, Алина никогда не думала, что эти проблемы могут быть именно такими, что произошли в кафе. Понимая — убийство мужа явно заказное и что оно со

стопроцентной вероятностью связано с его профессиональной деятельностью, а ещё конкретнее — с Метапромизолом, Алина решила, что и над ней нависла опасность. Она была посвящена во все дела мужа и как никто другой знала, что такое Метапромизол. И если уж из-за него погиб один человек, не было никаких гарантий, что не будет других смертей.

Едва только осознав, что Переслегин мёртв, Алина решила исчезнуть из города. Глядя в мёртвые глаза мужа, новоиспечённая вдова почувствовала ледяной страх смерти, и это испугало её по-настоящему: умирать Алина не собиралась, она ещё не пожила своего.

Быстро забежав в квартиру, Переслегина принялась торопливо собираться в дорогу. Страх гнал её в спину, она плохо соображала, что делает, запихивая в две объёмные сумки первые попавшиеся, а вовсе не самые необходимые вещи. Набив поклажу, она достала из серванта деньги, отложенные мужем на отпуск, планируемый провести в Египте.

Они давно уже с мужем собирались на отдых, Алина спала и видела, как загорает на золотистом пляже. Загорать она всегда любила, именно загорать, а не купаться в тёплом, солёном море. Переслегиной нравилось час за часом, день за днём покрываться шоколадным загаром, который очень шёл к её красивому, стройному телу. Она любила лениво лежать на берегу, перелистывать журнал под шум накатывающихся волн и ничего при этом не делать. Алина умела расслабляться, откинув в сторону все заботы и проблемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.